

Сергей Катканов

**Размытый след
галактики иной**

сборник эссе

Сергей Юрьевич Катканов

Размытый след галактики иной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69907375

SelfPub; 2023

Аннотация

Есть книги, о которых читатели и литературоведы никогда не перестанут спорить. Но, похоже, автор пытается поставить точку в этих спорах. Так ещё никто не писал о книгах Уильяма Янга, Джоан Роулинг, Джона Толкина, Клайва Льюиса, Михаила Булгакова.

Содержание

Хижина дяди Янга	4
Поттер, Фродо и Аслан	28
Мастер и Пилат	40
История отношений	41
Мастер, Маргарита и Кураев	44
Горе от гениальности	52
Бедный, бедный Иешуа...	58
Трагедия Пилата	69
Глаза Воланда	82
Маргарита и Мастер	91
Антисоветская книга?	96
Трагедия Мастера	103
Возвращаясь к Кураеву	123

Сергей Катканов

Размытый след галактики иной

Хижина дяди Янга

Прочитав пару тысяч книг, трудно надеяться на встречу с книгой, которая станет открытием и потрясением. И вдруг это происходит. «Хижина» Уильяма Пола Янга – книга, которой просто не может быть. Ничто в современной литературе её не предвещало. Кто бы рискнул так ярко и яростно встать на защиту Бога? Кто бы смог это сделать на таком блестящем интеллектуальном уровне, который к тому же сочетается с удивительной духовной глубиной? У кого хватило бы дерзости говорить от лица Бога? Где тот мастер, который сумел бы так тонко вплести нити сложнейшего религиозно-философского построения в изысканную художественную ткань? И всё это Янг. Теперь уже невозможно жить, делая вид, что его «Хижины» не существует.

Эта книга восхищает. И смущает. Завораживает. И возмущает. Вызывает желание всем посоветовать её прочитать и одновременно – желание спрятать её и не показывать никому. Как надо понимать «Хижину» с точки зрения ортодок-

сии? Ответ на этот вопрос требует серьёзной богословской подготовки и тонкого чутья на Истину. Не претендуя на обладание этими редкими качествами, всё же рискну высказать некоторые соображения. Отвечу, так сказать, дерзостью на дерзость.

Итак, человек провёл два дня в обществе Святой Троицы, общаясь попеременно с её ипостасями. Бред или нет? Для безрелигиозного сознания, конечно, бред, в лучшем случае – метафора. Фэнтези. Но христианское сознание воспринимает это как реальность высшего плана бытия. Для них это сказка, для нас – вполне настоящий мир, в который мы стремимся. Что, к примеру, фантастического в хождении по воде? Апостол Пётр ходил по воде, у него правда не здорово получалось, но всё-таки. А что невозможного в том, что человек явственно увидел свою погибшую дочь, и это было не сонное видение, не призрак, а именно она, настоящая? Любо́й христианин знает, что это возможно. Мы, видите ли, живём немного в другом мире по сравнению с атеистами, точнее – у нас на один мир больше. Но вот так, чтобы с Богом кофе выпить, да поговорить запросто – кажется это и для христианина фантастика? Вот всяком случае, в истории Церкви такие факты не описаны. Иногда люди встречались со святыми, давно покинувшими этот мир, но ведь не с Богом же. Но не торопитесь воспринимать это, как кощунство. Для Бога нет ничего невозможного. Если Он захочет устроить для кого-нибудь такую встречу, Он это сделает, препятствий не

возникнет.

Русского человека может передёрнуть от того, что Бог-Отец предстаёт в образе толстой негритянки, но это опять же не кощунство, а всего лишь американизм, то есть преломление религиозной Истины через национальное сознание. Образ Сарайю, то есть Святого Духа, во всяком случае художественно очень интересен, а говорить о точности этого образа бессмысленно. Образ голубя – не точнее. К янговскому Иисусу мы ещё вернёмся, а пока – о главном.

Что самое главное в христианстве? Разве мы когда-нибудь не знали, что любовь? И знали, и забывали, и неправильно понимали, и это уходило куда-то на периферию нашего сознания. Истина не нуждается в обновлении, потому что она вечна, но наше понимание Истины нуждается в обновлении очень часто и даже как правило. Янг актуализирует вечные истины на языке доступном современному человеку, к тому же – в интересном художественном контексте, а это суперважно.

Бог в «Хижине» говорит: «Я живу в состоянии безграничного удовлетворения, и это Мой обычный способ существования... Мы создали тебя, чтобы ты разделил с Нами всё это...». «С самого начала Моей целью было, чтобы Я пребывал в тебе, а ты – во Мне... в самом центре Нашей любви». «У меня нет любимцев... Я люблю тех, на кого сержусь, так же сильно, как и тех, на кого не сержусь».

Эти слова вполне корректно отражают содержание орто-

доксального христианского богословия. Бог на самом деле любит каждого из нас так, как если бы он был у Него единственным. Бог на самом деле одинаково любит и грешников, и праведников. Бог на самом деле создал человека для радости, для счастья, которые можно обрести только «в самом центре» любви Бога. И рецепт человеческого счастья, действительно, таков, как об этом пишет Янг: чтобы Бог пребывал в человеке, а человек пребывал в Боге. И дальше Янг абсолютно прав, когда приписывает Богу такие слова: «Мне нет необходимости карать людей за грехи. Грех уже сам по себе наказание, которое пожирает изнутри». Действительно, Бог никогда и никого не наказывает, просто удаляясь от Бога и выбирая жизнь во грехе, мы сами себя подвергаем страданиям, но и в этом случае Бог делает всё для того, чтобы нас спасти, то есть избавить от страданий, насколько это возможно, не лишая нас свободы.

Как важно верующему человеку помнить, что Бог – не каратель, а любящий Отец, Который делает всё для того, чтобы каждому из нас было хорошо. То, о чём пишет Янг, это и есть ортодоксия, то есть учение Святой Соборной Апостольской Церкви. Но почему тогда главный герой «Хижины» Макензи говорит Богу: «Ты абсолютно не соответствуешь представлениям о Тебе». Чьим представлениям? К примеру, моим, то есть, надеюсь, ортодоксальным, представлениям о Боге, то что пишет Янг вполне соответствует. По книге Мак учился в семинарии, так фиговая же это семинария, если, встретив-

шись со святоотеческим учением, её выпускник смотрит на него, ошалело выпучив глаза, как баран на новые ворота. Но это старые ворота. Точнее – древние. Ещё точнее – вечные.

И вот тут возникает первая опасность с восприятием книги Янга. Люди, имеющие о христианстве весьма туманные представления, составленные в основном из сплетен злых старух, могут принять «Хижину», как новое откровение о Боге. Дескать, вот наконец-то мудрый автор открыл нам правду о любви Бога к людям, на самом деле всё не так, как нам говорили. Не таким ли восприятием и обусловлен фантастический успех книги? Продать 5 млн экземпляров за год – это вам не фунт изюма. Так и до появления «янгизма» недалеко. Как бы нам предложили модернизированный вариант христианства. На самом деле в том, что пишет Янг о любви, никакого модернизма нет. В этой части он вовсе не пророк, а популяризатор, причём – блестящий, так что поклонимся ему до земли. Вот только боюсь, что Янг и сам считает свою теорию новым словом о Боге, даже не догадываясь, что всё это было очень хорошо известно ещё полторы тысячи лет назад и сейчас хорошо известно тому, кто хоть чуточку сведущ в ортодоксальном богословии.

К сожалению, порою люди, вполне искренне считающие себя христианами, имеют о настоящем христианстве искажённое представление. Это надо исправлять и корректировать, и Янг может очень сильно в этом помочь. Беда, однако, в том, что вреда от Янга может быть гораздо больше, чем

пользы. Сообщая удивительно правильные и глубокие представления о самой сути христианства, он тут же внедряет совершенно ложные представления о Церкви. Даже не просто ложные, а незрелые и инфантильные.

***

«Иисус» говорит Маку о Церкви: «Ты видел только институт, созданную людьми систему. Это совсем не то, что Я пришёл построить. Моя Церковь целиком основана на взаимоотношениях... Религиозная машина может перемолоть человека... Я не создаю институтов...». Дальше Янг пишет: «Для Мака эти слова стали глотком свежего воздуха. Как просто. Ни секунды утомительного труда и списка задач, никакого просиживания штанов на бесконечных службах и лицемерия затылков соседей, людей, с которыми даже не знаком. Просто раздели свою жизнь с другими».

Какое потрясающее открытие сделал милый Макензи при помощи странного «Иисуса». Оказывается, ничего не надо делать, просто будь хорошим и всё. Но ведь это же просто радость школьника, которому сказали, что уроков учить не надо – заурядный инфантилизм и полное легкомыслие. Евангельский Христос в отличие от янговского «Иисуса», говорил, что только прилагающие усилия достигают Царства Божия. Можно и не прибегая к богословию просто рассудить по-житейски. Если вы хотите достигнуть цели, какой вариант её достижения покажется вам более правдоподобным: надо трудиться до седьмого пота, или не надо «ни секунды

утомительного труда»?

По мнению Янга, «Иисус» не создавал никакого института. Заурядное суждение человека, который не имеет ни малейшего представления о том, что такое Церковь. У нас примерно так и судят о Церкви люди, которые смотрят на неё со стороны. Чаще всего, когда говорят о Церкви, имеют ввиду просто сумму духовенства. Но это совсем не так. Иногда под Церковью понимают то, что зарегистрировано в Минюсте в качестве религиозной организации, но это то, чем является Церковь для государства, до чего нам может быть и дела мало. Церковная иерархия с зарплатами, церковные структуры с банковскими счетами – это ещё не сама Церковь, а лишь некоторые внешние её проявления. Это действительно институты, причём, без них не обойтись, но думать, что это и есть Церковь, всё равно что глянув на яйцо, решить, что оно целиком состоит из скорлупы. Скорлупа придаёт яйцу форму, но суть не в ней, а в той жизни, которая скрывается под оболочкой внешней формы.

На самом деле Церковь – это совокупность всех христиан, живых и умерших, во главе с Иисусом Христом. Это не юридическое лицо, не институт, не «религиозная машина». Церковь – это мистическое тело Христово. Принадлежность к Церкви означает принадлежность к мистической реальности, а вовсе не членство в организации. Хотя Церковь создаёт организации, потому что существует одновременно в двух мирах и с условиями земного мира тоже вынуждена считать-

ся. А янговский «Иисус» увидел одни только «институты» и поспешно от них отрёкся. Не глубоко посмотрел.

Иногда про человека говорят, что он «ходит в церковь», имея ввиду храм. Это, конечно, подмена понятий, но эти понятия на самом деле пересекаются. Ведь на греческом слово «церковь» означает «собрание», а в храме действительно происходит собрание христиан. Зачем христиане собираются в храме? Для встречи с Богом. Но разве Бог не найдёт нас на любой из дорог, которыми мы ходим? Разве не возможна встреча с Богом и в автобусе, и на базаре, и в офисе, и на пыльной улице? На этот вопрос ответит нам сам Янг, который устами Бога говорит про хижину: «Здесь Наше присутствие более ощутимо и явственно». Так же и в храме во время богослужения присутствие Бога более ощутимо и явственно.

Вот прочитали мы «Хижину» и всем, конечно, захотелось такой же встречи с Богом. Ну если уж не поговорить, так хотя бы побыть рядом. Так вот у меня для вас хорошие новости: это вполне реально и доступно каждому. Приходите в храм на литургию, здесь совершается таинство евхаристии, здесь присутствует Сам Христос. Может быть, подобно Маку, на «бесконечных службах» вы ничего не увидите, кроме «затылков незнакомых людей», может быть не почувствуете ничего, кроме раздражения от этого «утомительного труда», который, как и Маку, покажется вам бессмысленным. Но если вы искренне захотите приблизиться к Богу, рано или

поздно Бог коснётся вашего сердца, и вы сможете пережить ту неземную радость, которую Мак пережил в хижине. Ведь главное в хижине не то, что Мак видит, и не то, что он слышит, а то что он чувствует. Мак переживает несказанное счастье богообщения. Вот за этим счастьем мы и ходим на службы. Хижина существует. Это у нас, в Церкви. И двери для всех открыты. Но надо будет потрудиться, а иначе всё так «затылками» и закончится.

Литургия – это великий бесценный дар Бога людям, возможность участвовать в ней – это счастье, хотя, порою, очень трудное счастье. Это и есть те самые «взаимоотношения», о которых говорит Янг. Это и есть школа любви. На вопрос Мака «Что же мне теперь делать?» Бог отвечает: «Учится жить в любви». Всё правильно. Но как учиться-то? Янг об этом не говорит. Эту мудрость можно найти только в Церкви.

***

Желая выяснить взаимоотношения между ипостасями Святой Троицы, Мак спрашивает, какая между ними иерархия. Бог отвечает ему: «Иерархия? Звучит отвратительно... Мы находимся в круге взаимоотношений, а не в цепочке субординации... Нам не нужна власть друг над другом, потому что мы всегда стремимся к лучшему... Люди настолько порочны, что тебе трудно представить, как они могут жить и работать без того, чтобы кто-то не стоял во главе... И это одна из причин, мешающая установить друг с другом насто-

ящие отношения. Как только возникает иерархия, появляются правила, которые помогают поддерживать систему и управлять ею, а заканчиваете вы системой приказов, которая уничтожает взаимоотношения... Иерархия насаждает законы и правила, а в итоге вы тоскуете по прекрасным взаимоотношениям, которые Мы создали для вас».

Эта цитата – невообразимый клубок из верных и ложных мыслей. Давайте попробуем этот клубок распутать. Между Лицами Святой Троицы действительно нет иерархии, нет «главного». Абсолютное совершенство не нуждается в «цепочке субординации». Совершенная любовь создаёт совершенные отношения, для иерархии тут просто места не остаётся. В этом Янг абсолютно прав. Но что касается людей, то без иерархии они жить не могут по той самой причине, которую называет Янг: «Люди настолько порочны...». Повреждённая грехом человеческая природа не позволяет создать совершенных отношений. Сама наша любовь, даже тогда, когда она есть, и даже тогда, когда она «правильная», остаётся слишком несовершенной, несущей на себе отпечаток наших страстей и греховных наклонностей, от которых полностью не могли избавиться даже святые, потому что в земных условиях это невозможно.

Если человек, по определению далёкий от совершенства, начинает «играть в Бога» и отрекается от иерархии, решив, что отношения надо регулировать только при помощи любви, начинается такой хаос, посреди которого о любви ни-

кто и не вспомнит. Когда-то батька Махно, убеждённый и очень искренний анархист, тоже кричал, что не надо никакой иерархии. И что же получилось на подконтрольных ему территориях? Военная диктатура. Жестокая и кровавая.

Да, иерархия «насаждает законы и правила», да, «в итоге мы тоскуем по прекрасным взаимоотношениям», но мы надеемся обрести такие взаимоотношения в Царстве Небесном, если будем здесь, на земле, совершенствоваться в любви, а до тех пор, пока наша любовь остаётся несовершенной, иерархия не только неизбежна для нас, но и спасительна.

Представим себе родителей и детей, которые по-настоящему любят друг друга. Их отношения можно символически представить себе в форме креста. Любовь создаёт горизонталь, то есть равенство в отношениях. Ребёнок и взрослый равны по своему человеческому достоинству, они равны перед Богом, и любящий взрослый всегда будет об этом помнить. Он не станет унижать и тиранить ребёнка только потому, что тот слабже. Он не станет по делу и без дела проявлять над ним свою власть, добиваясь беспрекословного подчинения. Обо всём же можно договориться, всё же можно объяснить. Или почти всё. И вот когда взрослый не может что-то объяснить, в его отношениях с ребёнком возникает вертикаль – иерархическое подчинение. Любящий взрослый никогда не злоупотребляет своей властью над ребёнком, но он её имеет и иногда вынужден её применять. В нормальной семье родители и дети не поставят на голосование во-

прос о том, что сегодня будет на обед: котлеты или конфеты. И когда возникает вопрос о том, допустимо ли совать гвозди в электророзетку, равенство между ребёнком и взрослым вдруг исчезает, взрослый просто отдаёт прямое и неотменимое распоряжение. Всё, что нам остаётся, это окрасить иерархические отношения любовью.

Так же с церковной иерархией, с тем самым отвратительным Янгу церковным институтом. Епископ, священник, мирянин – частицы единого церковного целого. Они равны перед Богом, потому что у Бога внуков нет, у Него только дети, то есть для Бога никто не находится во втором ряду, все – в первом. Но между ними существует так же иерархия, без которой в земных условиях не обойтись. История даёт тому множество примеров.

Когда-то Мартин Лютер отверг церковную иерархию, которую безусловно было за что критиковать, но вместе с грязной водой он выплеснул ребёнка. Что получилось в итоге? Протестантская Церковь раздробилась на сотни сект, в каждой из которых сколько голов, столько и озарений. В каждой учение Христа совершенно произвольно перевирают и искажают. Потому что нет иерархии.

Когда при Сталине митрополит Сергей начал прогибаться под большевиков, чтобы хоть как-то сохранить церковную структуру, многих верующих это возмутило. Однажды ему задали вопрос в лоб:

– Владыка, вы думаете, что вы спасаете Церковь?

– Да, я спасаю Церковь.

– А мы-то думали, что Церковь нас спасает.

Короче урыли митрополита, умники. А ведь тут всего лишь произошла подмена понятий. Владыка Сергей спасал не Церковь, а церковную структуру, иерархию. Если учесть, что глава Церкви – Христос, то спасать Церковь, значит спасти Христа, что дико. Но и спасение церковной иерархии было задачей сверхважной. Перед войной на свободе осталось всего три архиерея. Что было бы, если бы и они исчезли? Мы имеем совершенно однозначный ответ на этот вопрос: церковный люд весь целиком ушёл бы в «катакомбы», то есть вынужденно последовал бы примеру тех катакомбников, которые сознательно отреклись от «сталинской церкви» и остались без иерархии. А вы посмотрите, что из себя представляют современные катакомбники. То же самое множество тронутых безумием сект. Одни двадцатилетнего мальчишку алтарника ставят митрополитом, другие публикуют в сети порнографические воспоминания... Если бы не удалось сохранить церковную иерархию, это была бы участь всей Русской Церкви.

Наличие церковной иерархии гарантирует сохранность Истины Христовой. Когда иерархия исчезает, Истина постепенно искажается. Это подтверждено бесчисленным множеством примеров. И сам Ульям Пол Янг один из таких примеров. Это мудрейший человек, но он отрицает иерархию. А в итоге рядом с образцами высокой мудрости он порет такую

заурядную пошлятину, что просто становится за него неловко. Без Церкви и не такие ещё могучие умы погружались в сумеречное состояние.

Антицерковный пафос Янга может быть связан с тем, что настоящей-то Церкви он никогда и не видел. США – страна протестантских сект с незначительными вкраплениями католических и православных приходов, до последних там можно и за всю жизнь не добраться. Если же лицезреть исключительно образцы искажённой церковности, лишённые подлинной духовной жизни, так и не трудно будет решить, что Церковь – ненужный институт. Но есть другая Церковь, та самая, которую создал Христос. Вряд ли Янг имеет о ней хотя бы какое-то представление.

***

Янговский «Иисус» говорит: « – Правила никогда не дадут тебе ответов на сокровенные вопросы души, они никогда не ответят любовью... Не ищи правил, ищи взаимоотношений, это единственный путь, который приведёт к Нам... – Получается, что не нужно следовать правилам? – Именно так. – А как же молитва? – Никаких ритуалов».

Это очередная смесь из правильных посылок и дико ложных выводов. Надо просто знать человеческую природу. Вот приходит человек в Церковь и первым делом спрашивает: «Что надо делать?» Это почти всегда так. Обычно не говорят, что хотят научиться любить, хотят очистить душу, хотят приблизиться к Богу. Человек, стоящий на церковном поро-

ге, ищет глаголов, ему, если угодно, нужны инструкции. И вот представьте себе, что ему ответят в стиле Янга: «Всех люби, и никаких правил». Это откровенное издевательство над человеком: чтобы всех любить, надо всех любить, чтобы исправить душу, надо исправить душу. Человек в ответ кивнёт и уйдёт. И уйдёт он не от священника, а от Бога, чтобы никогда больше о Нём не вспоминать. Если человек окажется настырный, в ответ он просто заорёт: «Как?! Как мне научится любить, если я не чувствую в своём сердце любви? Как мне приблизиться к Богу, если я чувствую, что Бог от меня далёк?». А ему в ответ: «Ищи взаимоотношений». Опять издевательство. Да у каждого из нас до фига взаимоотношений, в том числе и хороших, и, может быть, вполне правильных. Что-то ещё? Ну, наверное, неправильные взаимоотношения надо сделать правильными. А человек опять орёт: «Как?! Что надо сделать для этого?». Но в ответ – тишина. И человек уходит, понимая, что к Богу не пробиться, всё это пустое. Таким, не извольте сомневаться, будет неизбежный результат янговской мудрости.

А как происходит в Церкви? Неофита тут же нагружают большим количеством самых разнообразных правил: «Посещай богослужения, читай Новый Завет, соблюдай посты, готовься к исповеди и причастию, читай утреннее и вечернее правило» и так далее. Человека сразу начинают тиранить «бесчисленными мелочными предписаниями». Если человек пришёл в Церковь для того, чтобы быстро и эффектив-

но порешать бытовые проблемы, или на счёт Бога пофилософствовать, или думая, что здесь «клуб по интересам», он уйдёт, не выдержав этот «курс молодого бойца». Но если человек хочет жить с Богом, если жизнь без Бога кажется ему невыносимой и невозможной, он пройдёт через любые трудности, он выполнит все «правила» (или почти все). А потом вдруг неожиданно почувствует себя «в самом центре любви Бога» и испытает такое счастье, какого на земле и представить себе не мог. И то, что ещё вчера казалось ему тягостной обязанностью, вдруг неожиданно станет для него радостной возможностью.

Но это не обязательно будет так. Бывает иначе. Исполнение многочисленных правил не приводит человека к духовной жизни, а заменяет эту жизнь. Правила вместо того, чтобы стать поводом к Богу, сами превращаются в идола. Такой человек думает, что религия – это просто исполнение правил. Он считает себя хорошим христианином, потому что исполняет все положенные ритуалы. Человек подменяет содержание формой. Янг, очевидно, встречал таких людей, отсюда его пафос отвержения правил. Но ведь надо же помнить, что в этом мире содержание не может существовать без формы, и, если кто-то молится на форму, не воспринимая содержания, так это ещё не повод отвергать форму. Духовная жизнь не может быть бесформенной. Будут одни только приятные разговоры за чашечкой кофе.

Ещё в IV веке блаженный Августин сказал: «Люби Бога

и делай что хочешь». Похоже на Янга? И да, и нет. Если судить по богословским трудам бл. Августина, он очень хорошо знал, что говорил. Если человек на самом деле любит Бога всем сердцем, он действительно может делать, что хочет, потому что он может хотеть только того, что хочет Бог. Такой человек никогда не сделает того, что противоречит Божьей воле. Но это высшая степень духовного развития. Это удел великих святых. Они могут отбросить костыли «правил», необходимых для того, чтобы прийти к Богу, потому что они уже пришли. Если же предложить человеку, который делает к Богу первые шаги, жить согласно афоризму бл. Августина, он услышит только вторую его часть. Не имея ни малейшего представления о том, что значит «любить Бога», он решит, что с этим уже всё в порядке, и будет делать то, что удаляет его от Бога.

Запад, похоже, именно так и услышал бл. Августина. В XV веке Франсуа Рабле написал свой мерзкий роман, в котором создал милый его сердцу образ Телемского аббатства. Это обычный притон пьяниц и развратников. А над дверями аббатства красовалась надпись: «Делай, что хочешь». Телемское аббатство – очень убедительная демонстрация того, что, отвергая мудрые правила Церкви, человек сначала остается без Бога, а потом превращается в скотину. На пути к скотскому состоянию, такой человек ещё может порассуждать о том, что «достаточно любви», потом отбрасывает этот фиговый листочек и просто «делает, что хочет», а хочет он к тому

времени одного только непотребства. То, что предлагает Янг – это путь в Телемское аббатство. А там не «Хижина». Там скотный двор.

***

Янговский «Иисус» по мере продвижения к финалу книги потрясает всё больше и наконец признаётся: «Я не христианин... Любящие меня приходят из всех существующих систем. Это буддисты и мормоны, баптисты и мусульмане... У меня нет желания делать из них христиан, однако, Я хочу видеть, как они становятся на путь сыновей и дочерей Господа нашего, моих братьев и сестёр, вечно возлюбленных».

Как это красиво и возвышенно, а уж миролюбиво – дальше некуда. Но знаете, что следует из слов этого занятого «Иисуса»? То, что он склонен к прямому и откровенному насилию над личностью.

Нормального мусульманина можно подогнать к Иисусу только страшными бичами, да и то некоторые предпочтут умереть. Для мусульманина утверждение о том, что пророк Иса – Сын Аллаха, это дикое и немыслимое кощунство. У мусульманина от такого кощунства сердце может лопнуть. Пожалеть бы человека, не гнать его навстречу такому ужасу, а ему продолжают разрывать сердце, объясняя, что Бог есть Троица. Первые мусульмане, воевавшие с многобожниками, умирали со словом «один» на устах. Для них почти вся вера в том, что Бог – Один. А тут, значит, Три. Мусульманин никогда этого не примет. А ему ещё что-то про любовь на-

чинают впаривать. Но в Коране нет слова «любовь». Ислам означает «покорность».

Как можно привести мусульманина в тот мир, где Бог един в Трёх лицах, где у Аллаха есть Сын, где вместо вполне понятной покорности, ему предлагают какую-то странную любовь, да ещё и гурий не торопятся предоставить? В такую реальность мусульманина можно загнать только путём жесточайшего насилия над его личностью. Наш рай покажется мусульманину адом.

С буддистами будет ещё труднее. Буддизм не признаёт Бога-Творца, его вообще называют атеистической религией. У буддиста нет на Небе Папы, и никакой диалог с Папой или Его Сыном для поклонника Будды невозможен, это просто вне его реальности. А вот когда буддисту скажут про любовь, его душа содрогнётся до самых глубин. Суть учения Будды в том, что желания порождают страдания, чтобы избавиться от страданий и достичь просветления, надо избавиться от желаний. Любых желаний, и хороших, и плохих. А любовь ведь – это очень сильное желание добра тому, кого любят. И это действительно вызывает страдания. Но христиане на это идут. Сын Божий из любви к людям пошёл на крестные муки. А если буддисту предложить оказаться «в самом центре любви Бога» – это будет для него ад, это то, от чего он всю жизнь старался уйти. Зачем же так над людьми-то издеваться?

Для мусульманина гораздо естественнее попасть туда, где

пророк Мухаммад, для буддиста логичнее оказаться там, где Гаутама Будда. Хорошо ли там будет – другой вопрос. Думаю, что не особо хорошо. Но оказаться рядом с Иисусом для мусульманина или буддиста было бы воистину ужасно, это противоречило бы милосердию Божию. Так же точно и с любой другой религией, и с некоторыми конфессиями христианства. Не могут оказаться рядом с Иисусом те, кто Его отверг, сознательно или нет, в чьей душе отсутствует любовь Христова, потому что в их душах насаждалось нечто совершенно иное.

Кажется, Янг не имеет представления ни об одной религии, включая христианство. Поэтому его «Иисус» и «не христианин». Поэтому он ни разу не назвал Иисуса Христом.

***

Похоже, Янг просто не читал Нового Завета, что вряд ли возможно, но тогда он проявил потрясающую бесчувственность к священным текстам. Его «Иисус» не имеет вообще ничего общего с евангельским Христом, даже булгаковский Иешуа и то больше похож на Христа, хотя очень от Него далёк.

Не помню кто сказал: «Бог создал людей по образу и подобию Своему, люди поступили с Ним точно так же». Есть такая проблема. Человек создаёт себе Бога по своему образу и подобию, то есть имеет о Боге представления, сильно зависящие от собственных качеств. В разных конфессиях, да и просто у разных людей, может быть свой образ Христа, и эти

образы порою совершенно непохожи друг на друга. Да, образ Христа, преломляясь через человеческую личность, не может избежать искажений. Совершенство, отражаясь в несовершенном зеркале, перестаёт выглядеть совершенством.

Но следует ли из этого, что образ Христа неизбежно субъективен, а потому каждый вправе нафантазировать себе такого Христа, какого пожелает? Нет, не следует. Потому что есть объективный критерий – евангелия. Христианин должен сверять тот образ Христа, который есть в его душе, с тем образом, который есть в евангелиях, и добиваться максимально возможного приближения, соответствия. Это невероятно сложно, на это уходит вся жизнь, и не каждой жизни на это хватает. Поэтому любой христианин всю жизнь перечитывает Новый Завет, стараясь как можно глубже постичь непостижимую личность Христа. Иногда Бог даёт почувствовать, как невероятно прекрасен Христос, как неизъяснимо Он совершенен, это не передаваемо никакими словами. Даже незначительное и очень робкое приближение ко Христу, дарит человеку минуты ни с чем не сравнимого счастья. У каждого христианина есть такой опыт постижения евангелий, пусть даже очень маленький.

Можно сказать, что у Янга «Иисус» не настоящий, а в ответ услышать: «А ты думаешь, у тебя настоящий? Янг понял Иисуса так, ты понял по-другому, оба восприятия субъективны, а потому спор лишён смысла. Какой человек может утверждать, что знает Сына Божьего лучше, чем другой

человек?». Так в том и дело, что я сравниваю янговского «Иисуса» не со своим собственным, а с евангельским. Достаточно ли глубоко я чувствую евангелия? Очевидно, недостаточно. Но янговское расхождение с евангелиями столь огромно, что его невозможно не увидеть даже моим несовершенным зрением.

«Иисус заметался из стороны в сторону, пытаюсь поймать рыбину». После прочтения евангелий возможно ли представить себе вот такого «Иисуса»: азартного, суетливого, страстного? Такого «Иисуса» легко представить на футбольной трибуне с банкой пива, но в евангелиях его нет. Христос чужд страстей. Его поведение являет собой образец совершенной внутренней гармонии, уравновешенности. Даже гневаясь, Он никогда не теряет внутреннего равновесия, не выходит из себя. Даже сурово обличая фарисеев, Он остаётся бесстрастен. А этот «мечется из стороны в сторону», как угорелый.

Дальше янговский «Иисус» говорит: «Я люблю поесть... экстаз вкусовых рецепторов... восторг! Нет ничего лучше». Во какой гурман... Даже очень средний христианин и то понимает разницу между примитивными удовольствиями и настоящей радостью. А этот «Иисус», рассуждающий про «экстаз вкусовых рецепторов» – примитивный чревоугодник. Надо ли объяснять, что в евангелиях нет такого персонажа?

Похоже, Янг пытается создать образ «Иисуса», близкого

и понятного простому человеку, такого, которого можно похлопать по плечу. Это чисто протестантское панибратство по отношению к «другу Иисусу». Протестанты не хотят приближаться к Сыну Божию, они хотят приблизить Его к себе. Дескать, Он простой, понятный и доступный. Но для нас просто и доступно то, что пронизано грехом, страстями. И вот у Янга мы видим «Иисуса», предающегося мелким страстишкам. А это уже кощунство. Это оскорбление Бога.

У Янга «Иисус» очень много говорит, то есть автору не страшно говорить от лица Сына Божия. На ортодоксальное сознание это производит удручающее впечатление. Писатель-христианин не рискнёт приписать Христу и пару-тройку слов. Ведь для этого надо вжиться в образ, надо поставить себя на место Христа, а разве такое возможно? Но для Янга всё возможно. Он думает, что «Иисус» вполне ему понятен, ему легко вкладывать в уста этого персонажа какое угодно количество слов. Где заканчивается дерзновение и начинается заурядная наглость?

***

Я хотел написать о Янге с любовью, но кажется, у меня не вполне получилось. Очень трудно спокойно и бесстрастно комментировать то, что задевает за живое, то, что травмирует душу. И всё-таки я благодарен Янгу за то, что он актуализировал в моей душе некоторые очень важные истины христианства. Поэтому и закончить хотел бы теми словами Янга, с которыми согласен на сто процентов:

«Всё зло проистекает от независимости, а независимость – это ваш выбор. Если Я уничтожу последствия выбора человечества, Я разрушу само здание любви. Любовь, которая насаждается силой, не имеет ничего общего с любовью».

Поттер, Фродо и Аслан

По поводу «Гарри Поттера» уже пролиты реки чернил, а вопрос остается: можно ли православным детям такое смотреть и читать? Решил всё-таки ещё раз пересмотреть все фильмы о Поттере подряд. Смотрел, придирчиво высматривая любые намеки на духовную вредоносность. Кое-что нарыл.

Мне не нравится, что эти ребята летают на метлах. Метла – атрибут ведьмы, не зависимо от того, на самом ли деле ведьмы летали на метлах, или они такого не умели. А ведьмы, как ни верги, служительницы дьявола, и они на самом деле существовали, да и до сих пор существуют. Надо ли было вводить в сказку явный антихристианский символ? По моему, не стоило.

Что касается поттеровской «магии», то здесь проблема только в слове. Достаточно заменить слово «магия» на слово «волшебство» и проблема исчезнет. Не станем же мы отрицать право на существование за всеми волшебными сказками. Но с магией то же, что и с полетами на метлах. В книгах Роулинг эти понятия не имеют ни какого антихристианского значения, и всё-таки взяты из антихристианского смыслового ряда. Представьте себе, что к юному поклоннику «Поттера» подходит некто и говорит: «Читал книжку про Гарри? Так вот я хочу тебе сказать, что магия на самом деле суще-

ствует, и мы можем тебя ей научить». Так увлечение «Поттером» может привести ребенка в сатанинскую секту.

В нашем мире любому ребенку известно, что волшебства на самом деле не бывает, но с магией та беда, что она реально существует, хотя и выглядит совсем не так, как в книгах Роулинг. Не послужат ли книги этой милой писательницы популяризации настоящей магии, независимо от того, что она явно этого не хотела? Но православные родители могут объяснить своим детям: «В книгах про Гарри магии просто волшебники, которых в жизни не бывает, а те люди, которые в жизни называют себя магами, служат темным силам, это злые люди».

Но самое нехорошее, что есть в поттеровской эпопее, это то, чего там нет. Поттер и его друзья борются со злом без Бога. Они возлагают свои надежды на самих себя, на взаимовыручку, на что угодно, только не на Бога. А ведь мы знаем, что бороться со злом без Божьей помощи невозможно, то есть эта сказка внушает детям ложные представления о жизни. Как у Высоцкого: «Надеемся только на крепость рук, на руки друга и вбитый крюк...» Если этими надеждами человека исчерпываются, то он уже проиграл, даже если выиграл.

Роулинг – типичный представитель постхристианской цивилизации, то есть не имеет ни малейшего представления о природе зла. У этих людей «борьба со злом» с языка не сходит, но они вообще не понимают, что это такое. Между тем, зло это и есть отсутствие Бога, то есть человек, живущий без

Бога, со злом бороться не может, потому что он сам носитель зла.

Пытаясь оправдать Роулинг, подумал: может быть в её книгах просто нет такой вводной, как религия. Не каждый же текст, в котором Бог не упоминается, уже обязательно является безбожным. Но в том-то всё и дело, что религиозная вводная в книгах Роулинг есть. Там много раз говорят про Рождество, хотя и не упоминают, чьё именно Рождество. Там у Гарри есть крестный отец. Там фигурирует храм, явно христианский, хотя об этом и не говорится. То есть христианство есть в том мире, где живет Гарри Поттер. Тогда получается, что христианство просто не имеет ни какого значения для героев этой сказки. Они сознательно его игнорируют, то есть это делает писательница. Бог для неё существует, Он просто ей не нужен. Это очень печально.

Роулинг говорила, что её книги несут в себе христианские ценности. Это не правда. Там нет христианских ценностей. В наше время часто совершают эту подмену, всё хорошее объявляя христианским. Не люблю говорить про «общечеловеческие ценности», но сейчас не могу без этого обойтись. В мире людей есть много такого, с чем ни кто не будет спорить, независимо от отношения к религии. Спасти друга это хорошо, предать друга это плохо. Помешать убийце – это хорошо, помочь убийце – это плохо. Справедливость – хорошо, несправедливость – плохо. Всё это ценности не собственно христианские, они общечеловеческие. Христианин

разделяет эти ценности не потому что является христианином, а потому что является человеком. Как и любая религия, христианство это то, чем оно отличается от других религий. Единственная собственно христианская ценность – Христос. Итак, книги Роулинг ни как нельзя назвать христианскими. Но антихристианскими их тоже назвать нельзя, если без фанатизма. Сказка о Поттере – часть относительно нейтрального духовного пространства. Она может причинить вред душе ребенка. Но она так же может быть полезна для души. Так могут ли православные родители позволить своим детям смотреть и читать «Поттера»? А вот как раз православные-то и могут. Ведь они без труда всё правильно разъяснят своему ребенку. То, что связано с метлами, с магией, всего лишь нуждается в нормальных комментариях. А если в мире «Поттера» нет Бога, так ведь не сложно объяснить детям, что на самом деле невозможно без Бога бороться со злом. Надо просто дополнить «Поттера» правдой о жизни, и тогда не будет от него ни какого вреда, а будет только польза, потому что это очень талантливая красивая сказка. А лишать детей красивых сказок не хорошо.

Мы часто хотим уберечь своих детей от всего, что может повредить их душам. Но это невозможно. В нашем мире через каждые три шага встречается какой-нибудь очередной духовный яд, от всех не убереем. И тогда остается одно: дать детям противоядие, то есть научить правильно понимать то, с чем они сталкиваются.

***

С «Властелином колец» Толкина всё гораздо сложнее. И гораздо интереснее. Ведь это уже не сказка. Но дети потому и тянутся к Толкину, что это писатель уже достаточно взрослый, но одновременно с этим – изумительно волшебный.

Как оценить «ВК» с христианской точки зрения? Сам Толкин был вполне сознательным христианином и про свою трилогию говорил, что когда уже заканчивал её, вдруг понял, что она – католическая (в смысле – христианская). И тогда он начал чистить текст от любых упоминаний религии. Видимо потому, что религиозная система «ВК» сильно отдавала язычеством. Толкин сделал то самое, на что у Роулинг не хватило такта – убрал из своего романа религиозную вводную. И сделал он это именно для того, чтобы «ВК» можно было понимать, как христианскую книгу.

Получилось ли у него? Является ли «ВК» христианской книгой? Нет. Не является. Не получилось. Дело в том, что, создавая свой роман, Толкин изначально ставил перед собой совершенно другую цель: дать Европе эпос. И опирался он на образцы древнего эпоса вроде «Беовульфа» и «Младшей Эдды» – вещицы, прямо скажем, от христианства далекие. Уже заканчивая работу, разумеется оказалось невозможным изменить её смысл. Книга могла стать христианской, только если бы автор изначально ставил перед собой эту цель, и всё в тексте подчинял бы этой цели. Но всё пошло так, как пошло. В итоге мы имеем гениальный блистательный роман.

Но не имеем христианской книги. Потому что в ней нет Христа.

Конечно, Толкин неизмеримо глубже Роулинг и, будучи христианином, он всё же рассыпал по тексту множество вполне христианских мыслей. Но христианство это не сборник афоризмов, не сумма умных мыслей. Христианство – это следование за Христом. А Христа в романе Толкина нет даже «за кадром».

Казалось бы, подвиг Фродо – чисто христианский подвиг самопожертвования, но это не совсем так. Достаточно вспомнить, что и коммунистам, воинствующим безбожникам, в точности так же была близка идея принесения себя в жертву ради общего блага. И Александра Матросова, и Павку Корчагина, и ещё многих такого рода героев коммунисты-безбожники прославляли, как образец для подражания. И если вы спросите, например, мусульманина, хорошо ли поступил человек, отдавший свою жизнь ради спасения других людей, то разумеется услышите, что он поступил хорошо. Готовность к самопожертвованию – одна из ценностей общечеловеческой этики, её невозможно считать собственно христианской, хотя в христианстве она проявилась ярче, чем где-либо.

Одно их самых тяжелых духовных последствий отсутствия Бога в романе Толкина то же, что и у Роулинг – неизбежный вывод о том, что в борьбе со злом человек может полагаться только на свои силы, человек абсолютно одинок

в этой борьбе и надеяться он может только на такого же человека, как и он. Это страшное, губительное мироощущение. Каждому христианину известно, что без Бога человек не только не может бороться со злом, он не может даже отличить добро от зла. Ведь в жизни зло редко проявляет себя так выразительно и показательно, как в сказках. Постхристианская цивилизация уже считает злом само ортодоксальное христианство, и безрелигиозным поклонникам Толкина ни что не мешает так считать.

У Роулинг есть метафора мирового зла, своего рода метафора дьявола или во всяком случае антихриста – Волан-де-Морт. Но метафоры мирового добра, метафоры Бога нет. А что такое человек, когда он окажется один на один с дьяволом? Пылинка. Человек при таком раскладе победить не может, если же нам говорят, что он побеждает, значит нас обманывают.

Как ни странно, у Толкина то же самое. Есть мощная метафора зла, аналог антихриста – Саурон (Мелькор остается за рамками «ВК»). Но метафоры добра, высшей надмирной силы, которая оберегает героя, нет. И крохотный героический Фродо остается один на один с inferнальным Сауроном. Фродо не молится. Над Фродо нет Неба. Это не просто страшно. Это нереально. Так не может быть.

Для Толкина это странно, потому что в «Сильмариллионе» есть и Бог-Творец – Илуватар, и высшие чины ангельские – валары. Но во «Властелине колец», который расска-

зывает о том же самом мире, что и «Сильмарилion», уже почему то нет ни Илуватара, ни валаров. Хотя, это может быть и к лучшему. Дело в том, что религиозная концепция «Сильмарилionа» – это вариации на тему гностицизма. Илуватар, создав мир, отдает его на попечение валаров, миром правит не Бог-Творец, а верховный валар – Манвэ. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что это антихристианская концепция. Если бы «Сильмарилion» и «Властелин колец» воспринимались, как единый текст, то и «ВК» звучал бы, как книга антихристианская. К счастью, благодаря нечитабельности «Сильмарилionа», в сознании большинства читателей «ВК» существует как отдельное, самодостаточное произведение, не отравленное ядом гностицизма. Может быть, потому Толкин и не допустил Илуватара и валаров на пространство «ВК», чтобы эта книга не выглядела антихристианской. И она осталась просто нехристианской.

Сторонники того мнения, что «ВК» это всё-таки христианская книга, приводят очень слабые аргументы. Например, они говорят, что Толкин следует заповеди: «Не упоминай имени Божьего всуе». Но эта заповедь отнюдь не подразумевает необходимости вообще забыть о Боге. Имя Божие не упоминается в «ВК» не только всуе, но и вообще ни как. Говорят, что в решающий момент Фродо всё-таки молится, выкрикнув имя одного из валаров. Ну очень большая натяжка. Одно слово трудно расценить, как молитву, оно может иметь значение междометия. Ещё говорили, что «слишком гром-

кое хлопанье ангельских крыльев» умалило бы подвиг героя. Но, во-первых, в «ВК» нет не только «слишком громко», но и вообще ни какого «хлопанья ангельских крыльев». А, во-вторых, в понимании христианина помощь Божия ни когда не умаляет заслуги подвижника. Бог всегда помогает всем святым, от этого мы не перестаем восхищаться их духовным прорывом.

Понимаю желание христиан всё хорошее объявить христианским, но не разделяю этого желания, предпочитая смотреть правде в глаза, даже если эта правда меня не радует. Я восхищаюсь «Властелином колец» и считаю этот роман не просто гениальным, но и абсолютно уникальным. Гениев много, а Толкин один. Но «ВК» – не христианская книга. Хотя и антихристианского в ней нет ровным счетом ни чего. Полагаю, в связи с Толкиным не возникает вопроса о том, можно ли его читать православным. Ну разве что со стороны таких мощных подвижников благочестия, с которыми я, конечно, не рискну спорить.

«Властелин колец» писался слишком долго. Его начинал писать один человек, а заканчивал уже другой. Разница между двумя Толкиными порождает противоречия в духовной концепции романа. Если бы тот Толкин, который заканчивал роман, имел возможность его начать, книга получилась бы совершенно другой, полагаю, что христианской. Но не упрекать же профессора за то, что у него не было ещё одной жизни. Один человек не может сделать всё. А нам остается лишь

дополнить этот роман православным пониманием жизни.

***

Когда я говорю, что в «Гарри Поттере» и «Властелине колец» нет Христа, я, откровенно говоря, и сам не знаю, как в сказке может появиться Христос. У Андерсена, например, Дюймовочка и шагу не делает, не помолившись, а Герда открывает дорогу во дворец «Снежной королевы» молитвой «Отче наш». Это замечательно, и сказки Андерсена, безусловно, христианские, но я о другом. Как в сказке может появиться образ Христа, если там все существа сказочные? Как должна выглядеть та самая метафора вселенского добра, которая противостоит метафоре вселенского зла? Я просто немею перед этим вопросом и полагаю, что он навсегда остался бы без ответа, если бы не «Хроники Нарнии». Оказывается, в сказке вполне может присутствовать образ Христа. Чтобы это сделать, автор должен отвечать всего-то навсего двум условиям: он должен быть гениальным писателем и очень хорошим христианином. Клайв Льюис безусловно этим условиям отвечает.

Лев Аслан, конечно, не Христос, и не надо требовать от него точного совпадения с Евангелиями. Лев всё-таки. И тем не менее Аслан символизирует Христа настолько, насколько это возможно для сказочного персонажа. Этот образ всё же ближе ко Христу, чем некоторые наши иконы, которые отнюдь не свидетельствуют о глубине понимания Евангелий, но мы их всё же терпим, так что уж давайте и к Аслану не

будем цепляться по мелочам.

Но почему именно лев, почему хищник? Реальная встреча с реальным львом сулит человеку мало доброго. Но Льюис апеллирует не к учебнику зоологии, а к мифологическому представлению о льве, как о царе зверей. Самая главная черта Аслана – удивительная царственность. Он бесконечно добрый и одновременно с этим – довольно суровый. Хорошим героям с Асланом очень хорошо, но даже им рядом с царственным львом порою бывает страшно. Не так ли мы чувствуем себя перед Богом, который для нас единственный источник счастья? И всё-таки, обращаясь к Богу, мы чувствуем страх, источник которого – сознание собственного недостойнства. Разве можем мы не испытывать страха перед Богом, если ежеминутно оскорбляем его своими грехами?

А в плохих героев Аслан вселяет ужас, они боятся его совсем другим страхом, тем, который замешан на ненависти. Им очень плохо рядом с Асланом. Известная история. Аслан бывает ласковым и нежным, он может лизнуть в нос, может подарить душе покой всего лишь несколькими словами, которые прошепчет на ухо. Но он может рычать и показывать клыки, заставляя вспомнить о том, как Христос изгонял торговцев из храма и обличал фарисеев.

Аслан всегда рядом с героями, но они видят его не часто. Он всегда им помогает, но они редко об этом догадываются. Герои умываются слезами, проходя через море страданий, они вынуждены совершать то, что вообще не считали воз-

можным, а его всё не видно и не видно. Но он есть. И они с ним. Как всё это знакомо...

Нет смысла перечислять все совпадения образа Аслана с образом Христа. Их много, и любой христианин, конечно, их увидит. Может быть, самое главное в том, что Аслан выписан с удивительным религиозным тактом. Отсылки к Евангелиям ненавязчивы, не дословны, но всегда достаточно очевидны. Льюис воистину совершил невозможное, балансируя на грани допустимого с удивительным изяществом. Всего лишь шаг в сторону, и получилась бы туповато-назидательная притча. Шаг в другую сторону, и получилось бы кощунство. А он сумел избежать и того, и другого.

Мир «Хроник Нарнии» это не просто волшебный мир, это мир мистический. И это чистейшая христианская мистика. В ней столько тонкой красоты и мудрой доброты... Каким же удивительным было сердце этого писателя.

Но не могу сказать, что Льюис показал нам, как надо делать настоящие христианские сказки. Кажется, за ним невозможно пойти, то что он сделал невозможно повторить. Да и кто рискнет написать «что-то в этом роде»? А может всё-таки?..

Мастер и Пилат

*Вы, профессор, воля ваша, что-то
нескладное придумали. Оно, может, и
умно, но больно непонятно.*

«Мастер и Маргарита»

История отношений

«Мастера и Маргариту» я впервые прочитал в начале 80-х в читальном зале областной библиотеки. Булгаков тогда уже не был запрещен, но ещё не был и разрешен, то есть его уже издавали, но нести в массы не торопились. И речи не могло идти о том, чтобы купить Булгакова в книжном магазине, и даже в библиотеке его на руки не выдавали. Думаю, даже не для того, чтобы ограничить распространение нехотя разрешенного писателя, а просто если бы эту книгу выдать на дом, так её бы обязательно «потеряли». За потерю библиотечной книги в те времена полагался штраф в размере её пятикратной стоимости, тогда это могло составить 10-15 рублей (при минималке – 80 руб.) А за «Мастера и Маргариту» многие готовы были заплатить и куда побольше.

Так вот тогда, в читальном зале, я проглотил «Мастера и Маргариту» буквально залпом, даже не вспоминая ни про жесткий стул, на котором было неудобно сидеть, ни про окружавшую меня толпу народа, которая должна была мешать мне читать, но не мешала. Сказать, что я был потрясен этой книгой, значит ни чего не сказать. Я вообще-то много читал, и удивить меня хорошим романом было довольно сложно, но Михаилу Афанасьевичу это удалось.

Времена тогда менялись стремительно, и вот уже лет через семь я купил «Мастера и Маргариту» в питерском буки-

нисте. И опять залпом её проглотил. И опять был потрясен. Кажется, даже больше, чем в первый раз.

В Бога я тогда не верил, так что ни каких сложных вопросов этот роман у меня не вызвал, лишь восхищение талантом автора. Впрочем, христианство вызывало у меня интерес и симпатию, но ведь это можно было сказать и про Булгакова. Короче, это была «моя книга». Все русские интеллигенты похожи друг на друга, несмотря на то, что очень немногие из них гениальны.

Шли годы, я пришёл в Церковь, и уже успел отпылать ревностью неофита, когда появился фильм «Мастер и Маргарита». Фильм восхитил меня не меньше, чем роман. Блистательные актерские работы, безупречное «попадание в текст», удивительное волшебство кинематографа, когда воспринимаешь всё происходящее на экране, как стопроцентную реальность. В этом фильме хорошо всё. А мне, старому брюзге, таких слов не доводилось говорить ни про один фильм ни «до», ни «после». «Мастера и Маргариту» я посмотрел три раза.

Но фильм я смотрел уже с беспокойной совестью православного, который, конечно, не должен любить «такое», но что же делать, если именно такое я и люблю? Наверно, я очень плохой христианин? Или как? Конечно, у меня были ответы на эти вопросы, но они меня самого не устраивали, оставляя в душе тревогу.

Потом я прочитал книгу диакона Андрея Кураева ««Ма-

стер и Маргарита»: за Христа или против?» Я очень люблю книги отца Андрея и прочитал их все до единой. Он очень близок мне и как богослов, и как церковный публицист. Кураев многое открыл для меня и многому меня научил. Особенно я благодарен ему за книги «Наследие Христа» и «Вызов экуменизма». Его книгу про «Мастера и Маргариту» я тоже прочитал на едином дыхании. Хорошая книга. Там много дельного. Но его концепция для меня неприемлема, потому что строится на вымученных натяжках и очень слабо обоснованных утверждениях. Короче, Кураев не успокоил мою православную совесть. Он не смог примирить в моём сердце любовь ко Христу и любовь к роману Булгакова.

Откровенно говоря, Булгаков мне надоел. Я чуть ли не всю сознательную жизнь думаю о романе «Мастер и Маргарита», и очень от этого устал. Михаил Афанасьевич должен сказать мне: «Отпускаю». Конечно, он не создал меня, как Мастер Пилата, но, если честно, он принял участие в моем создании.

Мне надо освободиться от этой темы, а способ тут только один – всё разложить по полочкам. Итак, я в четвертый раз посмотрел фильм, в третий раз прочитал роман и во второй раз прочитал книгу Кураева. С неё и начну.

Мастер, Маргарита и Кураев

Отец Андрей исходил из того, что хоть «пилатовы главы» и кощунственны, но не отражают позицию самого Булгакова. «Булгаков предлагает художественную версию толстовско-атеистической гипотезы. Но при этом вполне очевидно, что учение Иешуа не есть кредо Булгакова... Итак, Булгаков явно не ставит себя в ученики «этого самого Га-Ноцри». Писатель создает образ вроде-бы-Христа, образ довольно заниженный и при этом не вызывающий симпатий у самого Булгакова». ««Шмыгающий носом» Иешуа – карикатура на атеистический (толстовский) образ Христа».

Откровенно говоря, ни где в тексте романа, ни от автора, ни устами одного из персонажей не выражено отрицательное отношение к Иешуа. Этого нет ни в записных книжках, ни в черновиках Булгакова, которые цитирует Кураев. Ну ни где и ни разу Михаил Афанасьевич не сказал, что ему и самому не нравится «этот самый Га-Ноцри», и что он совершенно не разделяет «учение Иешуа». И никогда, и нигде, и ни разу Булгаков не выражал отрицательного отношения к толстовству. О. Андрей, во всяком случае, ни слова нам об этом не говорит. Он лишь отыскивает «намекы тонкие на то, чего не ведает ни кто». Но намеки – не доказательства. Нельзя же в самом деле усматривать доказательство неприязненного отношения Булгакова к Иешуа в том, что он заставляет

его «шмыгать носом». Когда я это прочитал, моя рука потянулась к носовому платку. А то вот так, чего доброго, шмыгнешь носом, а потом в отрицательные персонажи запишут.

Если автор о чем-то пишет, а потом не говорит, что сам он так не думает, значит он думает именно так. Нет ни каких реальных оснований дистанцировать Булгакова от Иешуа и от толстовства. Нет ни одной причины утверждать, что образ Иешуа – карикатура. Не могу понять, как о. Андрею удалось убедить в этом самого себя.

В основе концепции Кураева лежит следующее утверждение: «В романе просто нет положительных персонажей. Ни Воланд, ни Иешуа, ни Мастер, ни Маргарита не вызывают восхищения Булгакова...»

О-о-о... В начале своей книги о. Андрей призывает: «Пора выходить за порог слишком средней школы». Это очень хорошая рекомендация, только непонятно, почему сам о. Андрей ей не последовал. Деление персонажей на положительных и отрицательных – признак самого примитивного школьного литературоведения. Попробуйте разделить своих знакомых на положительных и отрицательных. Если вам это удастся, бросайте всё и бегите на исповедь. А хорошая книга тем и хороша, что в ней всё, как в жизни, и персонажи на положительных и отрицательных не делятся. Конечно, к иным персонажам автор явно относится с симпатией, но именно их-то он и наделяет какими-нибудь недостатками и даже комическими черточками. Это способ оживления

образа, способ придать характеру объем, иначе он выйдет плоским.

Кураев усматривает признак того, что Мастер Булгакову не симпатичен в том, как театрально он позирует, надев шапочку мастера. Но это вполне добродушная ирония, имеющая целью снизить градус пафоса. Булгаков не хотел, чтобы Мастер отливал бронзой, потому и заставил его немного покривляться.

И Маргариту Булгаков, по мнению Кураева, тоже не любит, потому что Марго скалит зубы, а Наташа Ростова ни за что бы вот так зубы не оскалила. Но тогда не понятно, как относиться к волкам из песни Высоцкого «Охота с вертолетов». Похоже, волки там вовсе не положительные персонажи. «Улыбаюсь я волчьей ухмылкой врагу, обнажаю гнилые осколки». Это что вообще такое? А что, братцы, реализм. «Положительные» персонажи вовсе не обязательно должны быть похожи на Наташу Ростову, порой они похожи на волков.

В школе нам внушали, что Евгений Базаров – положительный персонаж, Павел Петрович Кирсанов – отрицательный. А потом я как-то задумался: мог ли Тургенев, классический русский барин, дворянин до мозга костей, хоть чуть-чуть симпатизировать Базарову, цинику с грязью под ногтями? А вот Кирсанов был для Тургенева своим и родным, близким и понятным. Значит, этот роман «надо читать наоборот»? Нет, конечно. Тургенева интересовали социальные

тенденции, он отражал их, как большой художник, без гнева и пристрастия. Он мог увидеть что-то несимпатичное в своих и что-то симпатичное в чужих. А потом, зацепившись за симпатичное в Базарове, советское литературоведение вылепило из него «положительного персонажа». До чего же это глупо.

Как-то прочитал статью (не помню автора) «Михаил Шолохов, как зеркало коллективизации». Там автор доказывает, что автор совсем не любит героев коллективизации Нагульного и Разметнова, и это вовсе не положительные персонажи. Почему? Так носом шмыгают, зубы скалят, смешно позируют. Одним словом, жалкие, ничтожные людишки. «Поднятая целина» оказывается направлена против коллективизации. То есть Сталин заказал Шолохову роман, прославляющий коллективизацию, а Шолохов представил коллективизацию в позорном виде, да так хитро, что Сталин был вполне удовлетворен. А и дело-то всё в том, что, выполняя сталинский заказ, Шолохов, как большой художник, наделил прославляемых им героев некоторыми отрицательными черточками, чтобы они получились живыми, а не бронзовыми.

Вот на фига писать такие статьи? Так ведь понятно же, на какой вопрос отвечал автор. Можно ли, оставаясь на антикоммунистических позициях, любить «Поднятую целину»? И радостно ответил: «Ну, конечно же!» Я ни на кого не намекаю. Я говорю открытым текстом.

Кураев утверждает, что «Воланд просто использует Ма-

стера в качестве медиума», то есть «кощунственные главы», «евангелие сатаны» созданы Воландом в соавторстве с Мастером, а Булгаков тут вообще не при делах, он ко всему этому безобразию относится крайне отрицательно и не может нести за него ответственность. Большого насилия над текстом и представить себе невозможно. Стоило бы всё же помнить, что Воланд создан Булгаковым, и кой-какую ответственность за этот образ Михаилу Афанасьевичу всё же придётся нести.

Венчает концепцию Кураева вывод о том, что Булгаков «вел бой за Христа». На этих словах моя душа содрогнулась. Нам очень хорошо известно, что Булгаков не был христианином и к Церкви не принадлежал. Нам не хуже того известно, что в его романе Христа нет. Мы знаем так же, что последние 10 лет своей жизни он возился с образом дьявола при полном отсутствии признаков того, что его хоть сколько-нибудь интересовал Бог. То, что в последний период своей жизни он стал немного религиознее, не говорит о том, что он «шёл ко Христу». Православным хорошо известно, что Бог ни чью жизнь не прервет до тех пор, пока есть хотя бы малейшая возможность духовного роста. Если бы Булгаков «шёл ко Христу», так он к Нему и пришёл бы, Бог дал бы на это время. Если получивший церковное воспитание Булгаков (уж в семье-то профессора богословия) всё-таки не вернулся ко Христу, так это само по себе доказывает, что и ни когда бы не вернулся, проживи ещё хоть 20 лет. Для безбож-

ников это не доказательство, но для православных очень даже доказательство.

Жена Булгакова говорила, что он «верил... не по-церковному, а по-своему...» Неизвестно ещё, во что он верил, то есть в самом лучшем случае Булгаков – еретик. И, прекрасно зная всё это, утверждать, что он «вел бой за Христа»? Но тогда и Арий, и Несторий, и Толстой тоже вели бой за Христа.

Мне вполне понятна цель отца Андрея, более того, я её разделяю. Я тоже ортодоксальный христианин, я тоже люблю Булгакова, и мне тоже хотелось бы доказать, что моя принадлежность к Церкви и моя принадлежность к поклонникам Булгакова не вступают в противоречие. Но ведь не ценой же насилия над фактами, насилия над правдой. У нас нет оснований лепить из Булгакова Иосифа Аримафейского, который скрывал свою приверженность учению Христа «страха ради иудейска». Пожалуй, что и хотелось бы, но фактами это не подтверждается.

Взявшись что-нибудь обосновать, надо быть готовым к неудаче. Поставив вопрос: «За Христа или против?», надо внутренне подготовиться к любому из вариантов ответа. Если же мы на эмоциональном уровне в чем-то заранее уверены, тогда наша логика становится служанкой наших эмоций, и тогда ни какая это не логика, и ни кому не принесет духовной пользы наша словесная эквилибристика.

А ведь это вопрос не только об отношении к роману Булгакова. По поводу этого романа можно просто перестать ло-

мать копыя. Мало ли есть талантливых писателей, про одного из них можно просто забыть безо всякого для себя ущерба. Но вопрос куда серьезнее, он касается состояния собственной души. Если мне нравится «такое», то что же происходит с моей душой? Я что, скрытый сатанист? И вот, ответив на этот вопрос утвердительно, уже недостаточно будет отнести любимый роман на помойку. Это будет бессмысленная жертва, потому что состояние души от этого не изменится. Это всё равно, что отнести на помойку лакмусовую бумажку, когда она уже сыграла свою роль. Хрен с ней, с бумажкой, с правдой что делать?

В случае необходимости, я могу «отречься от Булгакова», это будет даже и не очень сложно. Но вот говорят, что подобное тянется к подобному, а если я уже понял, что меня тянет «туда, где Воланд»? Я могу хоть каждый день сжигать по экземпляру «Мастера и Маргариты», что от этого изменится? Объявить себя «великим грешником» – это у нас просто, но это слова. Выдержать душевную боль – не очень большая проблема. А вот выдержать понимание того, что душа ни сколько не болит от соприкосновения с Воландом, это проблема очень большая. Вы представляете, какова цена вопроса?

Отец Андрей убедил, как минимум, самого себя в том, что «Воля Булгакова шла к Церкви» и что «Он вел бой за Христа». И поздравляю, и слава Богу. Он решил эту проблему, как уж сумел. Но меня он не убедил. И я остаюсь пока с этой

проблемой, и разбираться с ней мне придётся самому.

Ещё раз: это не вопрос о том, как относиться к Булгакову, это вопрос, как относиться к состоянию собственной души. Знаете, что нужно для того, чтобы честно разобраться с этим романом? Надо не знать жалости к самому себе.

Горе от гениальности

Михаил Афанасьевич на радость нам и на беду – гениальный художник. Отсюда все проблемы с пониманием его романа. Художник не рассказывает, а показывает, он ни чего не разъясняет, он творит реальность. Попросите у художника разъяснить смысл того, что он написал, так он либо обидится на вас (что за глупый вопрос?), либо вы услышите детский лепет, имеющий очень слабое отношение к собственному гениальному творению. Гении бывают потрясающе наивны, и в их творениях лучше уж самим разбираться.

Полагаю, вопрос «За Христа или против?» самого Булгакова поверг бы не только в растерянность, но и в недоумение. Да не был он ни за Христа, ни против. Просто в его душе рождался мир, и он переносил этот мир на бумагу, а потом годами совершенствовал этот мир, переделывал, перестраивал. А в чем был смысл? Вот мы смотрим в окно, и видим, что идёт дождь. В чём смысл? Да ни в чём. Просто дождь идёт, и всё. Дождь можно описать, но его нельзя «разъяснить», то есть можно, конечно, но только в очень плохой книге, а Булгаков плохих книг не писал.

В конечном итоге и перед ним самим встал вопрос, какую такую правду он хотел донести до людей, и он захотел это сказать, но промолвил лишь: «Чтобы знали...» И не закончил фразу. У него были физические силы, чтобы эту фразу

закончить, но он, похоже, не знал, что сказать. Чувствовал нечто не вполне определенное, но не сумел выразить. И мы теперь можем заканчивать эту фразу, как захотим. И мы это делаем. И я могу, не напрягаясь, предложить десять вариантов булгаковской правды.

Что хотел сказать Булгаков своим романом? Глупый вопрос. Если бы он что-то хотел сказать, так и сказал бы, и написал бы тогда не роман, а трактат. В школе нас учили находить «основную мысль» художественного произведения, но это неумное занятие. Основную мысль легко найти только в плохих книгах, ну либо в таких, которые лишь формально являются художественными, а цели ставят перед собой скорее публицистические.

Легко разъяснить роман Чернышевского «Что делать?», потому что эта книга и есть разъяснение. Чернышевский избавил литературоведов от необходимости проникать в глубину его замысла, он сам сказал: вот этот человек – «особенный», а вот эти люди – «обычные», вот эти – «дурные», а вот эти – «дрянные». Роман Чернышевского часто называют художественно беспомощным, но это тоже не очень умно, потому что он и не ставил перед собой художественных задач. Просто надо было поместить этот текст не в историю литературы, а в историю политической мысли, и тогда всё встало бы на свои места.

Так же легко разъяснить роман Горького «Мать», потому что это не литература, а политпропаганда. Но, набив руку на

Чернышевском и Горьком, потом пытаться проделывать те же манипуляции с Булгаковым вряд ли стоит. Не надо мучить себя вопросами, какая там «философия излагается», и с кем он там «вёл бой», и почему «попадал по своим», и как написал «антисоветский роман». Булгаков не был философом. И ни каких боёв ни с кем не вёл. И с советской властью не боролся. И «своих» у него не было. Из литературных персонажей Булгаков более всего похож на Юрия Живаго. «Двух станов не боец, а только гость случайный».

Конечно, постсоветской интеллигенции хочется видеть в Булгакове диссидента, борца с советской властью. Да мало ли кому чего хочется. Хотя понятно, что вербовать сторонников среди покойников удобнее, чем среди живых, покойники не возражают.

Мы как-то автоматически считаем, что гениальные художники воплощают свои гениальные мысли. Между тем, сфера художественного творчества и сфера мысли – это две не только разные, но и непримиримые реальности. Или уж ты художник, или уж ты мыслитель. Если пытаться это в себе совместить, получается одно в ущерб другому.

Достоевский очень тонко это чувствовал. Работая над романом «Бесы», он писал: «Хочу провести свою мысль, хотя бы при этом пострадала вся моя художественность». Так и вышло. Мысль этого романа совершенно прозрачна, а в художественном отношении это далеко не самая сильная вещь Достоевского. А «Братья Карамазовы» – произведение вели-

кого художника. И вот попробуйте-ка «Карамазовых» разъяснить. Хотя, конечно, охотников хватает.

А Булгаков – это чистый художник. Это как соловей, песня которого прекрасна, но вряд ли кому-то удастся объяснить, о чем эта песня. В романе Булгакова нет ни каких «умных мыслей», нет ни каких идеологем, нет ни какой «позиции автора». Не надо мучить ни себя, ни Михаила Афанасьевича поисками там всего этого. Автор ни в чем не пытается нас убедить, ни к чему не пытается нас призвать. «Мастер и Маргарита» – это просто гениальное художественное полотно. Мысли в нём не больше, чем в «Джоконде».

И когда это поймешь, становится по-настоящему страшно. Мы, конечно, не шкрабы, чтобы делить персонажей на положительных и отрицательных и находить в гениальных книгах основную мысль. Но ведь тема-то у любого романа всё же есть. Какой роман ни возьми, мы можем сказать, как минимум, о чем это. А «Мастер и Маргарита» это роман настолько гениальный, что кажется невозможно понять, о чем это вообще?

Это «роман о дьяволе», как утверждал сам Булгаков, когда ещё только начинал работать над текстом? Это роман о великой любви, как следует из его окончательного названия? Это антисоветский роман, основная тема которого – неприглядность советской власти? Это богословский роман, предлагающий нам «другую версию» христианства? Или, может быть, это всё сразу? Но «всё сразу» не бывает, всегда есть

смысловой стержень, на который нанизано всё остальное.

Так вот я уверен, что Булгаков и сам не знал, где смысловой стержень «Мастера и Маргариты». Тема романа менялась по ходу работы над ним, и в конечном итоге гениальная творческая интуиция к чему-то вывела автора, а к чему именно, он и сам не смог бы сформулировать.

Много раз, ругаясь с Михаилом Афанасьевичем, я упрекал его в безответственности. Ведь нельзя же бросать в людскую массу книгу, которая неизвестно, как подействует. Ведь любая книга, тем более гениальная, производит работу в душе читателя, как-то его меняет. Пусть художник и не собирается влиять на читателя, но ведь всё равно же влияет. Неужели ему совершенно безразлично, как именно? Как может повлиять на человека «Мастер и Маргарита»? Да как угодно. В этом и ужас. Есть факты, когда этот роман привел человека в сатанинскую секту. А есть факты, когда этот роман привел в Церковь. Глубина гениального произведения не многим уступает глубине самой жизни. А какие выводы делает человек из жизни? Разные.

Вот почему я против изучения «Мастера и Маргариты» в школе. Как можно погружать неокрепшее подростковое сознание в такую художественную реальность, относительно которой у трех профессоров – семь мнений? Тут не работает принцип – главное всё правильно разъяснить. Это вообще не поддается ни какому разъяснению.

Лучше бы преподавали «Собачье сердце». С этой книгой

тоже всё не просто. Но хотя бы призыв профессора Преображенского не писать мимо унитаза звучит очень внятно и позитивно.

Я далек от мысли, кому-то что-то растолковывать, но хотя бы самому себе я должен объяснить, что такое эта книга, которая с таким хрустом вломилась в мою жизнь и останется в ней навсегда.

Бедный, бедный Иешуа...

В начале своей книги о. Андрей Кураев пишет: «Так называемые «пилатовы главы» «Мастера и Маргариты» кощунственны. Это неинтересно даже обсуждать». При первом прочтении книги Кураева это утверждение не вызвало у меня ни малейших возражений, я был полностью с ним согласен. Мне даже доводилось доказывать это другим, причем успешно.

Что имел ввиду Кураев, и я вслед за ним? Образ Иешуа действительно воспринимается, как карикатура на Христа. И относительно евангельских событий пилатовы главы нам прямо говорят, что на самом деле всё было не так. То есть христианство основано ни на чём, на глупых выдумках Левия Матвея, образ которого тоже являет собой кощунственную карикатуру на евангелиста Матфея. Иешуа прямо говорит: «Эти добрые люди... ни чему не учились и всё перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время». То есть всё христианство, по Булгакову, плод одного большого недоумения. Получается, что Булгаков решил пустить нашу веру прахом.

Не надо валять дурака, утверждая, что это всё Воланд с Мастером, а Булгаков тут вообще не при делах. Напомню, что Михаил Афанасьевич ни разу, ни где, ни каким способом

не дистанцировался от содержания пилатовых глав. Так что кощунство, если оно есть, принадлежит именно Булгакову.

Потом я ещё несколько лет подумал и вдруг понял, что всё кощунство пилатовых глав проистекает лишь от двух слов. Если убрать эти слова, там не будет ни какого кощунства. При чем сами по себе эти слова вовсе не кощунственны и вообще не имеют ни какого вероучительного значения. Эти два слова – «Понтий Пилат». Вот если бы римского прокуратора в романе звали, к примеру, Гай Пропорций Фрукт, во «фруктовых главах» самые придирчивые богословы не смогли бы отыскать ни какого кощунства.

Дело в том, что только упоминание Пилата дает нам привязку по времени, и только эта привязка вынуждает нас считать, что мы имеем дело с кощунственным пересказом евангельских событий. Не будь назван Пилат, мы имели бы полную возможность считать, что события, описанные Булгаковым, происходят хоть за 20 лет до Голгофы, хоть через 20 лет после. И тогда Иешуа лишился бы привязки к Христу. Мало ли могло быть в Иудее всяких Иешуа, среди них вполне могли встречаться и Га-Ноцри. А уж сколько было там бродячих проповедников и до и после Христа, так это просто не счесть. Это вообще достаточно типичная фигура для религиозно бурлящей Иудеи. Если, к примеру, повнимательнее присмотреться к эссеям, то, может быть, удастся обнаружить интересные параллели с булгаковским Иешуа.

И тогда мы увидим в Иешуа просто человека, обычного

бродячего проповедника. Лично я не нашел в этом человеке ни какой вины. А отец диакон в этом месте что-то уж совсем разъярился: «Любить Иешуа – это безвкусице. Это не «духовность», а атеизм и сатанизм». Хотелось бы обратить просвещенное внимание о. Андрея на то, что Азazelло сидит в деталях. Надо бы поосторожнее с формулировками. «Атеизмом и сатанизмом» можно назвать постановку знака равенства между Иешуа и Христом. Но «любить Иешуа», то есть собственно созданный Булгаковым образ бродячего проповедника, это не атеизм и не сатанизм.

Для меня, например, настолько очевидно, что Иешуа не имеет ни чего общего с Христом, что ни какие параллели меня в этом случае не искушают. Булгаков подает ситуацию глазами Пилата, а Пилат видит в Иешуа человека. Так почему бы и мне не поступить так же? Это как раз следование за текстом, а не насилие над ним. И какого же человека я вижу, глядя на Иешуа? Хорошего или плохого? Очень хорошего.

Сколько не борюсь со своей склонностью к осуждению, а результаты минимальны. А вот Иешуа умел ни кого не осуждать и в каждом видеть доброго человека. При этом Иешуа ни сколько не наивен, он прекрасно видит, что у Марка Крысобоя изуродовано не только лицо, но и душа, и всё-таки у нищего философа хватает духовных сил рассмотреть глубоко таящееся доброе начало даже в душе жестокого римского центуриона. У Иешуа хватает сил любить врагов. Если это «безвкусице», то вовеки не хочу иметь «вкуса».

Да, он выглядит жалким и слабым, он шмыгает носом. Так ведь из носа текут сопли, смешанные с кровью, а просить у Марка Крысобоя носовой платок было бы опрометчиво. Подлинный героизм непритязателен и непрезентабелен, он не выглядит красиво. Иешуа сильно напуган. Он боится боли и просит его больше не бить. Он боится смерти и просит отпустить его. Вот мы бы ни за что не испугались, верно? Даже Христос испытывал страх, а Иешуа ведь не Христос, куда уж. В Иешуа есть что-то от христианских мучеников, только не из житий, а из жизни.

Я люблю Иешуа. Даже параллели с толстовством меня не смущают. Толстой был гордым, а Иешуа гордым не был. И дистанцировать Иешуа от Христа всяко легче, чем дистанцировать пилатовы главы от Булгакова.

И всё-таки два роковых слова прозвучали – Понтий Пилат. И пилатовы главы оказались привязаны к евангельским событиям. Мы-то можем разделять Иешуа и Христа, но разделял ли их сам Булгаков? По поводу «Мастера и Маргариты» почти бессмысленно задавать вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет». Тонкая художественная ткань романа противится однозначным ответам. Булгаков явно сознательно создает эту неоднозначность, единственного персонажа называя не тем именем, под которым мы его знаем. У всех имен сохранено традиционное звучание: Каиафа это Каиафа, Иуда это Иуда, Пилат это Пилат, а вот Иисус из Назарета как бы отсутствует, вместо Него – Иешуа Га-Ноцри.

Понятно, что имя «Иешуа» ближе к подлинному звучанию имени Господа, чем утвердившееся у нас «Иисус». Но важно не это, а то, что Его зовут по-другому, то есть это как бы не совсем Он, а ежели нам угодно – совсем не Он. Это ведь обычный литературный прием: если автор исторического романа хочет дать понять, что его персонаж не вполне совпадает с историческим прототипом, он хоть чуточку, да изменит его имя. Если бы Булгаков просто хотел приблизить имена к их подлинному звучанию, так он и прокуратора Иудеи назвал бы Понтиусом Пилатусом, или как-нибудь в этом роде, не ручаюсь за свою латынь. Но Булгаков явно обеспокоен не историческим звучанием имен, а тем, чтобы дистанцировать Иешуа от Христа. Этого человека зовут не так, как мы привыкли звать Богочеловека. И для самого Булгакова между ними есть разница. Но достаточно ли эта разница обозначена, чтобы избежать кощунства? Не достаточно.

Всё-таки, кто такой Иешуа? Только ли нищий проповедник? Мы опять не найдём однозначного ответа. В финале романа Левий Матвей уже не называет Иешуа по имени, просто говорит «он». Булгаков чувствует, что когда решаются судьбы людей, имя «Иешуа», того бездомного бродяги, звучит неуместно. И вот этот «он» просит Воланда наградить Мастера покоем. Заметьте, всего лишь просит, он не имеет права приказывать «духу зла», он находится чуть ли не в зависимом от Воланда положении. Отсюда ясно, что «он», Иешуа, не Сын Божий, не Христос. Но тогда значит он был

обычным человеком, и сейчас через Левия Матвея обращается к Воланду с просьбой просто душа нищего бродяги? И это не совсем так. Ведь Воланд отвечает: «А что же вы не берёте его к себе, в свет?» Значит он, Иешуа, имеет право и возможность «брать в свет»? Это явно слишком большие полномочия для обычной души простого человека. Так кто же такой Иешуа для Булгакова? Убежден, что Михаил Афанасьевич сам не смог бы ответить на этот вопрос. Образ Иешуа явно не дотянут, плохо продуман, а потому внутренне противоречив.

Проблема в том, что у Булгакова не было какой-то своей, продуманной религиозной системы. Это даже доказывать особо не надо. Ни когда не поверю, что человек пишущий, к тому же заинтересованный религиозными вопросами, не изложил бы своей религиозной системы, если бы она у него была. Но Булгаков ни где не излагает своих религиозных убеждений, ни от своего имени, ни от имени персонажей, ни в законченных текстах, ни в черновиках, ни в записных книжках. Сейчас ему просто начинают приписывать те мысли, которых он не имел. Он был художником, а не мыслителем, чисто интеллектуальный процесс противоречил природе его гения.

Мы знаем, что и Лев Толстой, и Михаил Булгаков не были ортодоксальными христианами. Но разница между ними в том, что Толстой был ересиархом, а Булгаков ересиархом не был. Толстой создал своё религиозное учение, которое внят-

но изложил в книге «В чем моя вера». Булгаков такой книги не только не написал, но и не мог написать, потому что сам очень смутно и расплывчато представлял себе, в чём его вера. Он отвергал ортодоксию, он отвергал воинствующий атеизм. Его собственные религиозные убеждения находились где-то посередине. А что там было, в этой середине? Некоторые смутные и расплывчатые полумысли-полуобразы, которые он не мог облечь в четкие формулировки.

Кураев пишет, что «учение Иешуа не есть кредо Булгакова». Да нет в романе вообще ни какого «учения Иешуа». Предложение в каждом видеть «доброе человека» одобренное малой дозой романтического анархизма, на учение не тянет. И у Булгакова не было ни какого «кредо», иначе отчего же он его ни где не выразил? И утверждение, что Булгаков «много замаскировал», мягко говоря, ни на чем не основано. Не надо путать Булгакова с революционными любителями эзопова языка. Конечно, если «много замаскировано», то теперь можно приписывать автору какие угодно собственные мысли. Но надо ли?

Но ведь Булгаков 10 лет работал над романом, у него было время дотянуть образ Иешуа, чтобы хотя бы самому себе ответить на вопрос, кто же это такой. Так в том всё и дело, что для него Иешуа вовсе не был центральным персонажем, для него это периферийная фигура, не имеющая большого значения. Ему просто не было интересно детализировать этот образ. Ведь он писал «роман о дьяволе», и думал

он соответственно о дьяволе, а не о Христе. Иешуа не живой образ, а лишь обстоятельство в судьбе Пилата. И на место этого обстоятельства автор, не долго думая, поставил нечто в духе расхожих представлений русской интеллигенции, действительно сильно отдающее толстовством.

Лев Толстой был кумиром русской интеллигенции. Толстовство очень быстро превратилось в общее место. Толстовством дышали, уже и не вспоминая про Льва Николаевича. А для Булгакова эксклюзивными, ключевыми, принципиально важными образами были Воланд и Пилат. Ведь сам он писал «роман о дьяволе», а его персонаж писал «роман о Пилате». Все остальные персонажи для Булгакова – периферийные, второстепенные, не имеющие большого значения. И вот на место одного из таких периферийных персонажей, Иешуа, он просто ставит интеллигентскую банальность, чуточку её оживив. И, ломая копья по поводу этого образа, мы попадаем в положение несколько дурацкое.

И утверждение типа: «Пилатовы главы... это именно «евангелие», но «антиевангелие», «евангелие сатаны»», мягко говоря, повисают в воздухе. Я ни кого не шокирую, если скажу, что «пилатовы главы» посвящены Пилату? И то, что Мастер «написал о Пилате роман», это, наверно, не очень большое открытие? Это заметил даже не сильно развитый графоман Бездомный, которого в этой истории заинтересовал только Пилат. Иешуа тут ни для кого не имеет значения. Из трех пилатовых глав Иешуа появляется только в первой,

и там ему уделено лишь с десяток страничек, и даже на этих страничках больше значения имеют внутренние переживания Пилата, а не Иешуа, как таковой. Где же тут «евангелие сатаны»?

Канонические евангелия рассказывают нам о Христе. Если представить себе «евангелие сатаны», так оно, очевидно, должно рассказывать нам о Христе нечто совсем другое. Но «пилатовы главы» вообще не о Христе. С какого перепуга сатану должны были так сильно заинтересовать психологические проблемы Пилата? А там ведь и речь-то идёт почти только о римском прокураторе. Называть «пилатовы главы» «евангелием сатаны», это всё равно что канонические евангелия называть «пилатовыми главами». В «пилатовых главах» Иешуа упоминается, но вообще-то это не о нём. Так же как в канонических евангелиях Пилат упоминается, но вообще-то это не о нём. Если для читателя что-то является главным, он не должен автоматически считать, что и для писателя это является главным.

Со стороны Булгакова тут не было ни какого сознательного кощунства, просто он слишком легкомысленно поставил на место второстепенного персонажа персонифицированную интеллигентскую банальность. Стерпеть это куда легче, чем сознательное глумление над верой.

Откровенно говоря, мы и не такое вынуждены терпеть. Вам ни когда не приходилось видеть в наших храмах иконы Спасителя, на которых изображено лицо вполне заурядно-

го, а то и вовсе ничтожного мужчины? Или самодовольного красавчика? Или жестокого карателя? Эти образы Господа нашего Иисуса Христа куда более кощунственны, чем образ Иешуа. И если, глядя на Иешуа, можно ещё как-то увильнуть, дескать, нам ни кто и не пытается внушить, что это Христос, его и зовут-то по-другому, то с кощунственными иконами ведь ни куда не увильнешь, нам однозначно и безусловно пытаются сказать, что это и есть Христос. А кто-то ведь может очень глубоко переживать кощунственность этой иконной лжи.

И что делать? В храм что ли не ходить? Так и появились все секты. Достать настоятеля требованиями убрать из храма вот это и вот это? А настоятель возьмет да и спросит: «Если ты считаешь, что вправе решать, какой образ правильный, а какой неправильный, значит ты уверен, что в твоём сердце запечатлен безупречный образ Христа?». И если я окажусь настолько безумен, что отвечу утвердительно, значит в первую очередь надо гнать из храма меня. Лучше терпеть те иконы, чем находиться в обществе такого самосвята.

Но я ведь и правда, прости Господи, воспринимаю некоторые иконы, как явное кощунство. Что же мне делать? Смотреть в другую сторону. Ещё неплохо бы задуматься о том, не являюсь ли я сам олицетворенным кощунством? И если меня в храме терпят, так, очевидно, и мне стоит кое-что потерпеть.

Мне неприятно, когда некоторые верующие носятся со

своими «оскорбленными чувствами», как с писаной торбой. Уж до того все из себя праведные, что смотришь на них и от сияния глаза слепит. Мои «религиозные чувства» эти люди оскорбляют куда больше, чем то, против чего они протестуют. А чьи-то чувства оскорбляет моя персона и, может быть, тоже не без оснований. Не надоело оскорбляться?

Теперь вернемся к Булгакову и, может быть, станет понятно, что вытерпеть его религиозную ущербность всё же куда легче, чем вытерпеть друг друга. Конечно, Иешуа весьма далек от Христа, но всё-таки он куда ближе ко Христу, чем некоторые наши иконы. И не мы ли, православные, порою несём в своих сердцах образ Христа настолько искаженный, насколько Булгаков его всё-таки не исказил. Конечно, Иешуа не Христос, но он, может быть, лучший христианин, чем мы с вами. Иешуа увидел бы в Булгакове «доброего человека», а мы на это способны? Если же кого-то так сильно оскорбляет образ Иешуа, так смотрите вы в другую сторону. Ведь в романе Булгакова ещё есть на что посмотреть. «Меня же сейчас более всего интересуется Понтий Пилат».

Трагедия Пилата

Имя этого человека мы произносим на каждой литургии, и вспоминаем о нем без оценки, нейтрально, когда говорим о Господе: «распятого же за ны при Понтийстем Пилате...». Почему не «при кесаре Тиберии» или не «при первосвященнике Каиафе»? Почему привязка по времени сделана именно через Пилата? Об этом отца Андрея не плохо бы спросить, а я не знаю, и врать не стану. Но факт остается фактом. Пилат – единственный, кроме Пресвятой Богородицы, человек, названный по имени в христианском «Символе веры». Кажется, это достаточная причина для того, чтобы задуматься, что за человек был Пилат, какая судьба скрывается за его именем?

В лице Пилата Древний Рим шагнул на страницы Священного Писания, а если вы читали Тита Ливия и Корнелия Тацита, Марка Тулия Цицерона и Луция Аннея Сенеку, то не могли не полюбить Рим. Древний Рим совершил фантастический прорыв в истории Европы. Кажется невозможным поверить в то, что маленький городок присоединил к себе весь известный тогда мир, но так и было. За счет чего? Рим стал олицетворением идеи порядка. Рим структурировал всё, к чему прикасался, начав с самого себя. Римское право, гениальное произведение человеческого духа, и донныне лежит в основе всех европейских законодательств.

Латынь – кристальный язык логики и доныне остается языком науки. Политическая система Рима поражает своей филигранной отточенностью. Но, может быть, самое гениальное произведение римского духа – это легион. Совершенством внутренней структуры этой небывалой боевой единицы можно восхищаться до бесконечности. Рим породил саму идею гражданской доблести, идею самопожертвования ради общего порядка.

Для многих современных авторов от русских православных до американских либералов Рим олицетворяет только порабощение и угнетение. Но вот как раз в этой сфере Рим не изобрел ни чего нового. Порабощать и угнетать умели и до Рима, и вне Рима, и после Рима. Можно восхищаться гладиаторами Спартака, которые восстали за свободу против римских угнетателей, только не надо забывать, что эти разноплеменные гладиаторы у себя на родине сами были рабовладельцами, так что в рабстве, как таковом, ни чего плохого видеть не могли. Можно ужасаться римской жестокости, но стоит помнить, что современные Риму восточные деспотии были куда более жестокими, Рим во всяком случае не сжигал своих младенцев в печах, как это делал Карфаген. Можно с омерзением смотреть на римский разврат (Кроме Цицерона и Сенеки там были ещё Овидий и Апулей), но Рим хотя бы не делал из разврата религию, а в Азии той поры культовая проституция была делом обычным. А Рим делал культ из чистоты и целомудрия, о чем свидетельствовали весталки.

Разумеется, не стоит идеализировать ни чего из того, что создано людьми. Рим умел быть невыносимым. Одна только римская надменность чего стоит, и с изобретением гладиаторских игр римлян вряд ли можно поздравить. Но Рим создал порядок, саму идею порядка, и служил этой идее, а порядок всегда от Бога, потому что хаос и распад ни когда не могут быть угодны Богу. Получается, что Рим косвенно, неосознанно всё-таки служил Богу. При этом Рим был религиозно безразличен, и в этом была его ахиллесова пята.

И вот Рим входит в тот мир, который буквально дышит религией, дышит Богом. Ну и как впечатление? Помпей Великий сказал: «О мерзкие сарматы, наконец-то я нашёл народ отвратительнее вас» (цитирую по памяти, но за смысл ручаюсь). Гней Помпей Магн был классическим римлянином. Если мы имеем представление о том, что это такое, давайте попытаемся посмотреть на иудеев его глазами. Эти грязноватые людишки живут в городе, не знающем ни водопровода, ни канализации. Они не способны оценить римское право – совершенно неразвитые дикари. Сарматы тоже дикари, но они хоть не фанатики, а эти? Ну верят они в какого-то своего Бога, так пожалуйста, он, цивилизованный римлянин, не возражает. Но они не хотят признавать других богов, а вот такого фанатизма ни у одного народа не встретишь. Иудеи ни кого не уважают, с ними невозможно договариваться, они сразу хватаются за палки и камни. Собираются толпами, что-то орут, требуют, как будто у Рима можно что-то требовать.

Так мало того, эти дикари смотрят на него, Помпея Великого, как на грязное животное. А это уж ни в какие ворота не лезет.

Так впервые встретились римская надменность и религиозное высокомерие иудеев. Они сразу же почувствовали взаимное презрение. Иначе просто не могло быть. И за десятилетия, которые прошли от Помпея до Пилата, ни чего не могло измениться. Рим и Иудея существовали теперь в одной реальности, но они совершенно друг друга не слышали, да и желания такого не могли иметь. Риму не могли быть интересны местные религиозные суеверия, а иудеи не могли смириться с властью мерзких язычников.

И вот Пилат стоит перед Христом. Что мы видим? Римский чиновник средней руки стоит перед Сыном Божьим. Для нас естественно желать, чтобы Пилат пал ниц, покаялся в грехах и отрекся от своей карьеры ради Высшей Силы мироздания. Мы поневоле это так воспринимаем, потому что нам известно, кто перед Кем стоял. Но Пилат существует в совершенно другой системе координат, он не просто не знает, что перед ним Сын Божий, для него это утверждение было бы лишено смысла.

Нам известно, что тогда произошло в мировой истории, но если нам интересно, что тогда произошло в судьбе Пилата, то мы должны хотя бы попытаться посмотреть на ситуацию его глазами. Что он видел, глядя на Христа? Он видел Иудею, то есть вечный очаг смут, массовых беспорядков и

религиозного фанатизма. И как он должен был поступить? Да как угодно, только бы предотвратить массовые беспорядки. Дело ведь не только в страхе погубить свою карьеру, о чем пишет Булгаков. Дело ещё в исполнении долга. Долг Пилата перед цезарем, перед сенатом и народом Рима заключался в том, чтобы обеспечить спокойствие в Иудее. Он должен был хоть собой пожертвовать, но обеспечить порядок в провинции, которую ему доверили. Настоящий римлянин – это олицетворенный гражданский долг. Долг для него превыше всего, и уж тем более превыше личных симпатий и антипатий. А разве не так должно быть? Разве не таков идеал государственного служащего по меркам даже нашего расхлябанного времени?

И вот к нему привели какого-то бродячего проповедника, требуя его крови. Пилат прекрасно видел, как накалились страсти вокруг этого человека. Если он не выполнит просьбу, без сомнения, будут массовые беспорядки. Он должен был пожертвовать одним иудеем ради сохранения порядка в Иудее, ради исполнения долга. Это был не просто несложный выбор, тут вообще не было выбора. Да и выбирать-то было незачем. Кто такой был для него этот иудей? Брат, сват, боевой товарищ? Пилат впервые его видел, и перспектива ни когда больше не увидеть вряд ли могла испугать римского всадника. Любой другой римский чиновник на месте Пилата подмахнул бы смертный приговор вообще безо всякой рефлексии, ни минуты не раздумывая о виновности или неви-

новности этого человека, потому что речь шла об интересах Рима. А разве так повел себя Пилат?

Понтий Пилат – отставной военный, то есть было бы вполне логично, если бы он оказался тупым солдафоном с убогим кругозором и безо всяких умственных заморочек. Но разве мы видим перед собой солдафона?

Рискуя сильно раздражить храмовую камарилью и, не вполне понятно, зачем это делая, прокуратор говорит: «Вы привели ко мне Человека Сего, как развращающего народ, и вот я при вас исследовал и не нашёл Человека Сего виновным ни в чём том, в чем вы обвиняете Его. И Ирод так же: ибо я посылал Его к нему, и ни чего не найдено в Нем достойного смерти. Итак, наказав Его, отпущу» (Лк 23; 13-16)

Почему Пилат вступается за незнакомого бездомного проповедника? Нам кажется естественным, что он пытался «спасти Христа», но это не было естественным, поскольку Пилат не только не мог видеть перед собой Христа, он не мог даже понимать, что это значит. Он мог краем уха слышать, что иудеи ждут «какого-то Мессию», но для него это не могло значить больше, чем для нас религиозные ожидания какого-нибудь африканского племени. Зачем он рискует, вступая в конфликт с первосвященником? Ведь ему совсем не нужен был этот конфликт. Честный судья не хочет отправлять на казнь невиновного? Но ведь он был не просто судьёй, а полномочным представителем великой империи, и государственная безопасность должна была стоять для него

на первом месте. А он упорно пытается выполнить ту задачу, которая перед ним, как перед представителем Рима, вовсе не стояла. «Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? Я ни чего достойного смерти не нахожу в Нем» (Лк 23, 22)

У Булгакова Пилат с интересом посмотрел на Иешуа только тогда, когда тот исцелил страшную головную боль прокуратора. Булгаков, как тонкий психолог, понимает, что должна быть какая-то причина, по которой игемон «вписался» за бродягу, а поскольку это роман, то причина должна быть названа. Но евангелия – не роман, евангелисты ни чего не говорили о причинах, по которым Пилат пытался спасти Христа, просто потому что ничего об этом не знали.

И мы ни когда не узнаем больше, чем нам известно от евангелиста Иоанна: «И сказал им Пилат: «Се, Человек» (Ин 19, 12). Пилат увидел в Иисусе изумительного Человека, которого хотят убить мерзавцы и негодяи. Пилат не мог знать, что перед ним Богочеловек, но он чувствовал, что это необычный, может быть, великий Человек, во всяком случае – очень хороший. Кто-то хмыкнет: «Ещё бы не чувствовал». А вот не надо хмыкать. Все эти саддукеи, фарисеи, книжники либо не чувствовали ни чего, находясь рядом с Христом, либо хуже того – чувствовали враждебность.

Пилат, образованный римлянин, знал, очевидно, историю про Диогена, который среди бела дня ходил по городу с фонарем, поясняя: «Ищу человека». Может быть, этот необычный римский всадник вслед за Диогеном и сам всю жизнь

«искал человека», которому захотелось бы отдать свою душу. И вот он Его нашёл. И сказал: «Се, человек». И ни чего не мог сделать.

«Пилат, видя, что ни что не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего, смотрите вы!» (Мф 27, 24)

Понимаем ли мы, что значат слова «смятение увеличивается»? Пытаясь спасти Человека с большой буквы, прокуратор поставил ситуацию на самую грань бунта, ещё немного и начнется кровопролитие. Иерусалим будет завален сотнями, если не тысячами трупов, Рим может потерять целую провинцию, а Рим, конечно, этого не стерпит, и тогда начнется большая война, и тогда будут десятки тысяч трупов. Так ведь и вышло несколько десятилетий спустя. Так случилось бы уже при Пилате, если бы он не пошёл на уступки.

Слова «умываю руки» стали поговоркой. Это про тех, кто не хочет принимать решение, устраняется от ситуации и перекладывает ответственность на других, утверждает, что его собственные руки чисты. И мы говорим про таких: нет, голубчик, не отвертись, ты тоже виноват, ответственность лежит в том числе и на тех, кто умывает руки. По отношению к Пилату это предельно несправедливо.

Пилат сделал для спасения Христа гораздо больше, чем сделал бы на его месте средний римский чиновник. Пилат называет Христа Праведником. Как мог он понять, что это

Праведник? Ведь он Его совсем не знал, они почти не говорили. Но, видимо, душа Пилата чувствовала, что это Праведник. Пилат оказался духовно более развитым, чем иудейская религиозная элита. И неужели мы не чувствуем, что это вопль отчаяния: «Не виновен я в крови Праведника Сего, смотрите вы!» И кто бы не сложил с себя ответственность, когда от него уже ни чего не зависит? Ситуация полностью вышла из-под контроля прокуратора, причем именно потому, что он пытался спасти Праведника.

А в результате Пилат попал в один ряд с богоубийцами. Врагу такого не пожелаешь. В чем же вина Пилата? Ведь в чём-то он должен быть виноват. Я давно пытался ответить на этот вопрос и обратил внимание на такое свидетельство евангелиста Матфея о Пилате: «Между тем, как сидел он на судебном месте, жена послала ему сказать: не делай ни чего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него».

Тогда я пришёл к выводу, что Пилату достаточно было любить свою жену и проявить к ней доверие, чтобы не совершить рокового «умывания рук» и не стать одним из богоубийц. Теперь я уже понимаю фальшь того вывода. Государственный человек, принимая решение, не может руководствоваться снами жены, даже если любит её сильнее, чем Мастер Маргариту. Вот жена как раз очень даже может считать свой сон более важным, чем все государственные соображения, но что, кроме снисходительной улыбки, это может

вызвать даже у самого любящего мужа?

Так в чём всё-таки виноват Пилат? Я не нахожу в этом человеке ни какой вины. И всё же... Мог ли сам Пилат после казни чувствовать себя виноватым? Ещё как мог, да, вероятнее всего, так и было. Если человек с чуткой душой принял участие в богоубийстве, он потом кому угодно сможет доказать, что ни в чем не виноват, только не самому себе. Это страшная трагедия.

А в чем виноват, например, Эдип? Да ни в чём. Ведь он же не знал ни чего. Но Эдип наказывает себя, причем очень жестоко, за невольно совершенные, но такие страшные грехи. Разве Эдип не достоин нашего сострадания? А разве не достоин нашего сострадания Пилат, с которым произошло нечто ещё более ужасное? Кто-нибудь уверен, что на месте Пилата вел бы себя лучше?

Эта трагедия Пилата и стала главной темой романа Мастера (он же Булгаков). Эта тема так глубока и сложна, что вполне достойна пера гениального психолога, каковым Булгаков и был. Он так тонко прописал всё, что происходило в душе Пилата, что читаешь и душа замирает.

Но если Иешуа не похож на Христа, то похож ли булгаковский Пилат на евангельского? Разумеется, этот образ – художественная версия, просто потому, что мы не знаем, что происходило в душе исторического Пилата, и в этом смысле можно сказать, что Мастер Пилата «придумал». Но на этом ведь и строится любой роман. Лев Толстой разве не «приду-

мал» Наполеона в романе «Война и мир? Хотя «придуман- ный» Толстым Наполеон так далек от исторического, что не назвал бы этот образ удачным. Назвал бы его клеветниче- ским. Романисту, который играет с образами реально жив- ших людей, всегда стоит помнить завет Карамзина: «Пепел мертвых не имеет иного заступника, кроме нашей совести».

Так вот Булгаков обращается с «пеплом Пилата» предель- но бережно. Созданный им образ римского прокуратора ни в чем не противоречит тому, что нам известно о Пилате из евангелий. В действительности Пилат вполне мог чувство- вать нечто подобное тому, что чувствует булгаковский Пи- лат. Есть некоторые фактические несовпадения, например, то что у Булгакова Пилат «заказал» Иуду. Это противоре- чит свидетельствам евангелистов о том, что Иуда повесился. Но Булгаков не писал «антиевангелие», судьба Иуды его со- вершенно не волнует, он создавал психологическую рекон- струкцию Пилата. Мог ли реальный Пилат страстно желать смерти Иуды? Да вообще-то мог. И это его не с лучшей сто- роны характеризовало бы. Так ведь Булгаков с Пилата иконы и не пишет.

Мы ни чего не знаем о родителях Пилата, а потому ни чему не противоречит то, что Булгаков называет Пилата сы- ном короля-звездочета. Римский чиновник, вероятнее всего, имел родословную попроще, но ведь, знаете ли, всякое бы- вает. Вот только на территории римской империи той поры было бы затруднительно найти фигуру, способную претен-

довать на статус «короля-звездочета». Повывелись там уже монархи, вопрошавшие звезды. Вот разве что... евангельские волхвы. Да, одного из них с некоторой долей условности можно было назвать королем-звездочетом. Значит, булгаковский Пилат – сын одного из волхвов? Не торопитесь только вопить про кощунство. Жизнь – штука сложная.

В евангелиях волхвы появляются ниоткуда и исчезают в никуда. Некоторые даже считают, что они направились напрямиком в Кёльн, где сейчас и показывают их мощи. Умберто Эко остроумно рассказывает о том, как пиарщики Фридриха Барбароссы занимаются созданием этой легенды: « – Трудно будет объяснить, как они сюда попали. – Да объяснить-то не трудно. Трудно было попасть. Но с этим уже всё в порядке». Так же не трудно, и даже ещё гораздо легче, представить себе, что на обратном дороге «король-звездочёт» познакомился с «красавицей Пеллой», которая могла быть не только красивой, но и очень необычной девушкой. А потом Пелла отказалась ехать со звездочетом к нему на родину.

Зачем Булгаков вводит в роман эту деталь, не получающую ни какого развития? Мне кажется, я понимаю. Слишком странно то, что римский чиновник проявляет такую заинтересованность в судьбе подсудимого. Если мы внимательно вчитаемся в евангелие, то и без Булгакова поймём, насколько это необычно: римский прокуратор рвёт себе душу («Смотрите вы!») из-за судьбы неизвестного иудейского Проповедника, пусть даже и Праведника. Пилат, видимо,

был человеком, не похожим на заурядного римского чиновника. Вот Булгаков и даёт художественное объяснение этой необычности Пилата, наделив его «мистическими генами». Думаю, что так.

А вот очень умный и, как правило, тонко мыслящий о. Андрей Кураев пишет про роман Мастера: «В этом романе оправдан Пилат». Я просто вздрогнул от этой фразы. Стоило бы обратить внимание на то, что Мастер (он же Булгаков) не был ни адвокатом, ни судьей, и не мог ставить перед собой настолько примитивную задачу, как оправдание кого бы то ни было. Мастер-Булгаков создал потрясающий по психологической глубине и внутреннему трагизму образ Пилата. Это образ тяжело страдающего человека. При чём тут оправдание? Давайте не будем слишком жестоки к Мастеру, ему и без нас досталось.

Интересно ещё, почему Мастер написал роман именно о Понтии Пилате, а не о каком-либо другом персонаже, едва промелькнувшем в евангелиях, Иосифе Аримафейском, например, или о Варраве, или о четверодневном Лазаре? Можно, конечно, ответить: «А почему бы и не о Пилате?» Но тогда потом обязательно встанет вопрос: как связано содержание романа, написанного Мастером, с основным повествованием Булгакова? Дело в том, что эти «два романа» связаны именно образом Пилата, и ни какой другой персонаж на эту роль не подошёл бы. Но к этому мы ещё вернёмся.

Глаза Воланда

В христианском восприятии романа есть одна удивительная подробность: мы вполне понимаем, что Иешуа – не Христос, но мы почему-то с наивным простодушием соглашаемся с тем, что Воланд – сатана. Что если Воланд так же мало похож на сатану, как Иешуа на Христа?

Проблема в том, что Иешуа мы можем сравнить с каноническим образом Христа из «Нового завета». А с чем сравнивать Воланда? Каков канонический образ сатаны? Мы редко имеем об этом представление и сравниваем Воланда скорее с творением Гёте, чем с творениями святых отцов. Но и Мефистофель так же мало похож на сатану, как Фауст на сатаниста. Всё это литературные игры, не имеющие ни какого отношения к мистической реальности и сильно сбивающие с толка.

На самом деле Воланд – не только не сатана, но и на мелкого беса не похож, да он и на заурядного сатаниста не тянет. Как же нам это доказать, если мы не можем сравнить Воланда с настоящим сатаной? Доказательство простое: нас не тошнит, когда мы читаем о Воланде.

Лет десять назад я решил разобраться с тем, что такое сатанизм, не опереточный, а настоящий. И теперь могу сказать, что сатанизм – это не просто страшно, это мерзко и пусто. Там ни чего нет, там только пустота, пропитанная труп-

ным запахом. Кого-то иногда тянет поиграться с инферналом, кто-то думает, что там что-то зловеще-романтическое, что там есть некая мрачная красота, своего рода «очарование зла». Но там не больше романтики и очарования, чем в разлагающемся трупе. И смысла примерно столько же. Если в Коране, Бхагават-гите, Риг-веде и других священных книгах древних религий можно найти следы хотя бы человеческой мудрости, то в сатанизме ни чего такого нет. Только мерзость и пустота.

Проведите хотя бы день в обществе таких людей, как Алистер Кроули и Энтони Ла Вэй, узнайте, как они жили, о чем писали, к чему стремились, и даже через несколько лет вас будет подташнивать от одного только упоминания этих имён. Ни каких «великих тайн» они вам не откроют, вы не узнаете от них ни чего умного, вы поймете, что это ничтожества в самом глубоком мистическом смысле. Потом вернитесь к старому доброму Воланду, и вам даже захочется с ним поговорить.

Познакомьтесь с подробным описанием настоящей черной массы, и вы поймете, что булгаковский «бал сатаны» – это утренник в детском саду. Если бы нормальный человек попал на черную мессу, его просто задушило бы отвращение. А у Булгакова всё так забавненько, инфернальненько. Прикольно, одним словом. Это потому что на «балу сатаны», несмотря на наличие большого количества опереточных злодеев, сатаны и близко нет. С настоящего бала у сатаны че-

ловек вернулся бы полностью седым и вряд ли способным к членораздельной речи.

Когда хоть что-то узнаешь о продвинутых «черных сатанистах», начинаешь чувствовать, что это живые мертвецы. Они как бы есть, но их как будто и нет. Их личности достигли того уровня распада, когда о личности уже трудно говорить.

Даже если просто выходишь на сатанинский сайт, душа как-то тоскливо сжимается, становится нехорошо. Поверьте, я не в том возрасте, чтобы пугаться зловещего дизайна, просто соприкосновение с одной только тенью сатанинской энергетики уже травмирует душу. А ведь «Мастер и Маргарита» совершенно не оказывает такого воздействия.

Что такое настоящий сатанизм? Надо понимать, что сатанисты не служат сатане, они ему подражают. Прежде всего в том, что не признают над собой никакой власти и разрывают все свои привязанности, то есть сатанисты и самого сатану посылают подальше. Чем дальше сатанист продвигается в подражании сатане, тем более одиноким он становится. Даже сатанинские группы существуют лишь благодаря некоторой остаточной благодатной энергии, которая всё ещё сохраняется в душах сатанистов. Когда остаточная благодать окончательно исчезнет, сатанисты уже не могут создать группу, потому что они не выносят друг друга, они уже вообще никого не выносят. Даже от сатанинской агрессивности ни чего не остается, потому что агрессия это всё же проявление сильного чувства, а когда все связи рвутся, исчезают все чув-

ства, включая ненависть, личность уже ни как, и ни чем, ни с кем не связана. И это уже распад самой личности. Разумеется, не многие сатанисты продвигаются так далеко, но все они движутся именно в этом направлении.

Сатанизм сущностно деструктивен, он ведёт к распаду всего и вся. Сатанисты ни чего не могут создать, а в конечном итоге разрушают самих себя. Миром правят установленные Богом законы притяжения. Этим законам подчиняются и планеты, и электроны, и человеческие души. Развитие в Боге – это созидание гармоничных отношений. Сатанизм – движение в обратном направлении – разрыв всех связей, уничтожение всех отношений. Человеческую душу это приводит к пустоте и безумию.

Мы говорим не о сатане, а о сатанистах потому что на Медузу Горгону смотреть нельзя – помрешь. Если хочешь сражаться с Горгоной, смотри не на неё, а на её отражение в зеркале. Сатанисты и есть отражение сатаны.

Литературных «дьяволов» не надо принимать всерьёз уже потому, что если бы кто-то создал образ дьявола, приближенный к реальности, то сошёл бы с ума. А Булгаков 10 лет возился с образом дьявола, сохраняя здравый рассудок. Это уже доказательство того, что он не сильно преуспел.

Лишь в самом начале романа есть небольшая деталь, которая сближает Воланда с дьяволом. «И тут только приятели догадались заглянуть ему как следует в глаза и убедились в том, что левый, зеленый, у него совершенно безумен, а пра-

вый пуст, чёрен и мертв». Всё так. От сочетания безумия и пустоты реально пахнет серой.

Но как разительно меняются глаза Воланда ближе к концу романа: «Два глаза уперлись Маргарите в лицо. Правый с золотой искрой на дне, сверлящий любого до дна души, а левый – пустой и черный, вроде как узкое игольное ухо, как вход в бездонный колодезь всякой тьмы и теней».

Обратите внимание: безумие из глаз Воланда исчезает, а пустота перестает быть мертвой, теперь пустота стала входом в некий мир, где много всего интересного, пусть и не самого лучшего. Да ещё «золотая искра», да ещё сверлящая пронизательность. Очень интересный мужчина. Такие женщинам нравятся. Короче, человек и не более того.

А во всем остальном даже намека не возникает на тождество Воланда и сатаны. Не надо быть крупным демонологом для того, чтобы знать: главная функция дьявола по отношению к людям – губить человеческие души. Мефистофель у Гёте хотя бы делает вид, что занимается именно этим. А Воланд? Чем он вообще весь роман занимается? Чью душу он хотя бы пытался погубить? Маргариты? Мастера? Эти и без него справлялись и хуже после общения с ним явно не стали. Маргариту Воланд затащил на свой дурацкий бал, но её душе это сомнительное увеселение ни как не повредило. «Знакомство с Воландом не принесло ей ни какого психологического ущерба». Это, кстати, ещё одно доказательство того, что Воланд – не сатана. В романе Стивена Кинга «Противосто-

ание» девушка, так же вполне по-сатанински настроенная, от непродолжительного контакта с сатаной приходит в состояние полностью невменяемое и кончает самоубийством, что куда более реалистично. Даже Кинг, явно не много понимающий в богословии, всё же создает ужасающе правдивый образ сатаны, по сравнению с которым Воланд – добрый дедушка.

Мастера Воланд застаёт уже в таком состоянии, что работать на нем, означало бы только портить результат. В жизнь Мастера Воланд не приносит ни какого духовного зла.

Итак, Воланд не совершает ни каких действий, направленных на то, чтобы погубить чью-то душу. Но, может быть, он действует через свою свиту? Да вы посмотрите на этих клоунов, какие они бесы, я вас умоляю. Это просто веселые хулиганы. Любая стайка уличной шпаны больше похожа на бесов, чем эти весельчаки.

Бегемот обаятелен и очарователен, его трудно не полюбить. Да и чего он такого плохого сделал? Он издевается только над плохими людьми, наказывает их, и то не слишком жестоко, без членовредительства. Так же и Азazelло, хоть и выглядит более устрашающе, но столь же безвреден. А ведь тут Булгаков использовал имя известного демона-убийцы. Борис Акунин не слишком крупный демонолог, но вспомните его роман «Азazelь», там всё куда серьезнее. А милый булгаковский Азazelло, если и спустит какого-нибудь придура с лестницы, так ни на что более жестокое он явно не

способен. Лишь в конце романа Азазелло крикнул женщине, которая хочет перекреститься: «Руку отрежу». Ну и как, отрезал? Покричать-то все мы горазды.

Коровьев – мертвый рыцарь, а не бес, так он и не претендует. Рыцарь шутит. Действительно, всего лишь шутит.

Проказы свиты Воланда, хоть и принесли некоторые материальные разрушения, но ни кто ведь не погиб, даже руку-ногу ни кому не сломали. Ни одно животное не пострадало. Убили только барона Майгеля, но Майгель – подлец, по человеческим меркам он вполне заслужил пулю.

Итак, на протяжении всего романа ни Воланд, ни его свита не только не причиняют ни кому духовного ущерба, но даже и чисто гуманитарного зла не совершают. Они не только не оскорбляют нравственного чувства среднего читателя, но даже и религиозного чувства христианина сколько-нибудь серьёзно не задевают. Их действия чисто по-человечески не безупречны, но в них нет ни чего сатанинского и бесовского.

Более того, Воланд не раз на протяжении романа выступает в роли некоего нравственного камертона, выражая обеспокоенность моральным обликом москвичей, но судит о них в конечном итоге очень мягко и благосклонно: «Ну что же ... они люди, как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было ... Ну, легкомысленны ... ну что ж ... и милосердие иногда стучится в их сердца ... обыкновенные люди ... в общем, напоминающие прежних ... квартирный вопрос только испортил их ...»

Неужели кто-то думает, что сатана может сокрушаться по поводу любви к деньгам и радоваться милосердию? А с каким пафосом он говорит, что не хочет видеть управдома Босого, потому что тот «плут и выжига». Давно ли лукавого так раздражают плуты? А уж от зажигательной речи Воланда по поводу «первой свежести» серой и вовсе не пахнет.

Впервые я задумался о тождестве Воланда и сатаны, когда Олег Басилашвили высказался в том смысле, что играл не сатану, а человека с необычными способностями. Сначала я совершенно не понял господина артиста. В каком смысле «не сатану», если там прямо сказано, что Воланд – сатана? А потом понял.

Басилашвили сыграл эту роль блистательно. Причем, «строго по роману». Более точного попадания в образ и представить себе не возможно. При этом в образе, который создал Басилашвили, нет ровным счетом ни чего от сатаны. Так же как ни чего такого нет и у Булгакова, артист очень хорошо это почувствовал.

Вот почему такую растерянность вызывает порою роман у православных читателей: «Тут речь идёт про сатану, про бесов, мне этим положено возмущаться, но я почему-то не чувствую ни какого возмущения». Да потому и не возмущается православная душа этим романом, что нет там ни сатаны, ни бесов.

Отец Андрей пишет: «Бездомные образованцы ... бросились восхвалять сатану, как своего наконец-то найденно-

го учителя...» Вышеозначенные образованцы действительно нагородили про Воланда столько всякой фигни, что читать тошно, тут я согласен с отцом Андреем. Однако, они хоть и «виновны, но заслуживают снисхождение». Ведь восхваляют они не сатану, а Воланда. В Воланде-то ведь и правда можно найти много привлекательного, только не надо переносить эту привлекательность на сатану. Растождествить Воланда и сатану – вот задача для серьёзного богослова, тогда и у «бездомных образованцев» может наступить просветление в умах.

Итак, Булгаков хотел написать «роман о дьяволе», но он так долго работал над текстом, что в конечном итоге даже сама тема романа изменилась. Это не о дьяволе. Это даже не о Воланде. Но о чём?

Все первоначальные названия романа отсылают нас к теме дьявола: «Черный маг», «Копыто инженера», «Великий канцлер», «Князь тьмы». Но окончательное название романа уже ни как к дьяволу не привязано, то есть он перестал быть главным объектом авторского интереса. И поскольку это название – «Мастер и Маргарита», тогда, может быть, роман в конечном итоге получился о великой любви?

Маргарита и Мастер

Маргарита – существо пустое до стерильности. Кажется, Булгакову просто скучно было прорисовывать и детализировать этот образ. К окружающему её миру она не имеет ни малейшего отношения, и не связана с ним ни какими даже самыми тонкими нитями.

Живущая в шикарном особняке, ни когда в жизни не работавшая бездельница, она имеет служанку, не самой же для себя и для мужа еду готовить. У неё нет ни какого даже самого простенького увлечения. Ну хоть бы крестиком что ли вышивала или там на дудочке научилась играть. Так ведь нет. Ей ничего не интересно, поэтому и сама она не интересна.

Бывает такой уровень пустоты жизни, который не в состоянии выдержать даже самое пустое существо. Она действительно бы закончила самоубийством, это было без шуток. И вдруг на улице она увидела, как какой-то странный мужчина внимательно на неё смотрит. И она вцепилась в этого мужчину мертвой хваткой, как утопающий хватается за соломинку. С неё было довольно того, что этот мужчина не такой, как все. Отныне её привязанность к нему становится единственным содержанием её жизни, другого содержания в её жизни так и не появилось.

Булгаков говорит о Маргарите: «Она была красива и умна». Ну насчет «красива» это писателю не трудно устроить.

И хотя в романе нет ни одного описания внешности Маргариты, мы верим автору на слово. Но вот насчет «умна», это уже надо как-то подтвердить. Трудно что ли было автору вложить в её уста хоть пару-тройку умных фраз? Не захотел. За весь роман она не произнесла ни одного умного слова, а вот глупостей нагородила целый вагон. Так что у нас есть все основания считать её женщиной неумной.

Но ведь она смогла по достоинству оценить роман Мастера? Вот ведь написано: «Она дожидалась этих обещанных уже последних слов о пятом прокураторе Иудеи, нараспев и громко повторяла отдельные фразы, которые ей нравились, и говорила, что в этом романе её жизнь». Какая жизнь? У неё не было ни какой жизни, она не испытывала живого интереса вообще ни к чему. Как могли перекликаться страдания Пилата с жизнью одуревшей от скуки бездельницы? Что она вообще могла понять в этом романе? А для того, чтобы декламировать «нараспев и громко» ума не надо. Но если уж она так скоропостижно влюбилась, так ведь ей же надо себя убедить, что её любовник – не заурядный неудачник. А непризнанный гений. Если бы она встретила на улицах Москвы Фурманова, так с таким же успехом восхищалась бы романом «Чапаев».

Она не только не понимает, но и не желает понимать, что с ними происходит. С какой безответственностью она говорит в конце романа: «Потустороннее или не потустороннее – не всё ли равно?» Да ведь это уже не просто безответствен-

ность, это тупое безразличие к духовной стороне жизни.

Маргарита играет при Мастере примерно ту же роль, что и собака при Пилате – преданное, но не очень осмысленное существо.

А что же Мастер? В отличие от Маргариты, он переполнен внутренним содержанием, но он так бесконечно одинок, что ему даже Алоизий Могарыч потом покажется интересным собеседником. А тут красивая женщина смотрит на него с интересом. Да потом ещё и восхищается его романом. Много ли надо одинокому художнику? Понимает ли он, что Маргарита – совсем не тот человек, который способен оценить его роман по достоинству? Да неважно уже, что он понимает. «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад».

Маргарита очень быстро становится для Мастера самым дорогим человеком просто потому, что ни кто больше на эту роль не претендует. И Мастер становится для Маргариты самым дорогим человеком просто потому, что она не нашла другого способа заполнить внутреннюю пустоту. Их взаимная привязанность, которую язык не поворачивается назвать любовью, основана на такой горечи, которая делает счастье невозможным. Оба они всего лишь пытаются увернуться от кромешного отчаяния, и только это бросает их в объятия друг друга. Они совершенно чужие люди, но ни у которого не хватает смелости это понять.

Почему Маргарита так трясется над романом Мастера? Потому что понимает его ценность? Нет. Но она понимает,

что без этого романа Мастер – пустышка, а пустотой пустоту не заполнить.

А почему Мастер, оказавшись в дурдоме, не хочет дать о себе знать Маргарите? Да потому что она больше не может скрасить его одиночество. Тяжелое психическое заболевание сделало его одиночество тотальным, неустранимым. С Маргаритой хорошо было бы посидеть в «Грибоедове», а если посидеть с ней в дурдомовской комнате для свиданий, так ни чего же не изменится. А говорить им не о чем. И всегда было не о чем.

У нас уже и песню сочинили: «Мастер и Маргарита в каждой любви земной». Не приведи, Господи. Почему взаимную привязанность Мастера и Маргариты нельзя назвать любовью? Потому что она основана на горечи и боли, на страхе перед реальностью. Любовь – сила созидательная, а эти двое ни когда не смогли бы создать семью, ни когда не смогли бы воспитывать детей. Они вообще не смогли бы долго выносить друг друга, потому что само основание их отношений было отравленным.

Впрочем, я начинаю, как отец Андрей, додумывать за Булгакова. А что же сам Михаил Афанасьевич? А вы обратили внимание на то, как мало художественных средств потратил автор на описание этой «любви»? Он вообще не уделяет внимание описанию их взаимных чувств. Мог бы вообще-то. Но не захотел. Ему явно было скучно и неинтересно выписывать психологические нюансы их отношений. Эта «любовь» нуж-

на автору только, как двигатель сюжета, сама по себе она ему не особо интересна. Нет, этот роман не про любовь. Так про что же, наконец, этот роман?

Антисоветская книга?

Кураев называет булгаковский роман антисоветским, и ещё многие так думают, и сам я раньше считал именно так. Но потом понял, что в этой книге нет ровным счетом ни чего антисоветского.

«Социальные главы» булгаковского романа своим искрометным юмором очень напоминают Ильфа и Петрова. И «язвы общества», которые показывает Булгаков, ни чуть не страшнее тех «недостатков общественной жизни», которые показывают Ильф и Петров. Но разве когда-нибудь кому-нибудь приходило в голову считать романы о Бендере антисоветскими? Они были легко изданы и хорошо тиражировались вовсе не потому, что советская цензура была совершенно безмозглой и не усмотрела в них опасности для советской власти. Мы можем не сомневаться, что с «пролетарским чутьём» у советской цензуры всё было в порядке, просто у Ильфа и Петрова действительно не было ни какой антисоветчины, и ни какой угрозы для советской власти их книги не предоставляли. Это, знаете ли, сатира и более того.

Даже самая жесточайшая тирания формально не может запретить сатиру, то есть не может объявить, что её нельзя критиковать. Сатира раздражает любую власть, но даже власть убийц-большевиков считала за благо сатиру терпеть. Просто была грань, которую нельзя было переступить. Нель-

зя было касаться основ, нельзя было покушаться на базовые принципы советской власти. То есть можно было представлять в нелепом виде некоторых марксистов, но нельзя было представлять в нелепом виде марксизм. И отдельных ленинцев отчего же нельзя было критиковать? На сталинских процессах именно это и происходило, так что это и в литературе было вполне допустимо. Но тому, кто вякнул бы хоть слово против ленинской теории, участь Зиновьева и Каменева показалась бы завидной.

Советская власть не только не запрещала писать о своих недостатках, но даже имела для этого теоретическое обоснование: если что-то в нашей жизни всё ещё плохо, так это «родимые пятна капитализма», которые мы, товарищи, что-то слишком медленно изживаем, надо бы нам ускорить этот процесс, и сатира должна нам в этом помочь. То есть все дикости советской власти объявлялись порождениями отнюдь не самой советской власти, а порождениями капитализма, ещё не до конца изжитыми. Вот Ильф и Петров и веселили народ сколько хотели. Да и как было запретить сатиру, если с высоких трибун постоянно неслись призывы «всемерно развивать критику и самокритику». Надо же было потом что-то предъявлять в доказательство того, что эти призывы услышаны.

Конечно, если бы какая-нибудь недобитая белогвардейская сволочь, принявши облик писателя, написала бы такую книжку, из которой прямо следовало бы, что недостатки со-

ветской жизни проистекают из базовых принципов марксизма-ленинизма, так тут бы этой сволочи и конец. Цензура не просто не пропустила бы такую книгу, а отправила бы её в НКВД, где вскоре оказался бы и автор. Нельзя было утверждать, к примеру, что недостатки советской жизни есть прямое следствие отмены частной собственности. За такие утверждения объявляли «выговор с занесением в грудную клетку». Потому что именно это и была антисоветчина.

Но разве у Булгакова есть хоть что-нибудь подобное? Вот показаны в неприглядном виде советские писатели. Ну так и чего? Товарищ Сталин, кажется, понятно сказал: «Других писателей у меня для вас нет». Пока нет. Не вырастили ещё. И разве приверженность к «порционным судачкам а-натюрель» это не «родимое пятно капитализма»? Вот уж советская власть писателей такому не учила. Так ведь получается, что в «Грибоедове» окопалась сволочь мелкобуржуазная под видом советских писателей, а мы куда глядим-то, товарищи? Короче, вполне советская сатира.

А, может быть, когда Коровьев с Бегемотом разгромили «Торгсин» в этом было что-то антисоветское? Нет, уважаемые товарищи, это в самом «Торгсине» было что-то антисоветское. Вот куда сползались на деликатесы все эти недобитые контрики. Вот где был широчайший простор для проявления пролетарского гнева. Так Коровьев с Бегемотом от лица пролетариата вышеозначенный гнев и проявили. Можно, конечно, усмотреть в зажигательном спиче Коровьева паро-

дию на пролетарский гнев, но это уж вы, товарищи, придираетесь. Опять вполне советская сатира.

А безобразия в варьете? Там, может быть, тоже советская власть была виновата? Нет, товарищи, это всё та же мелкобуржуазная психология, которую мы до сих пор у себя не изжили. Вы только посмотрите, какой позор: советские женщины набросились на зарубежные халявные шмотки, словно им в Советской России одеться не во что. И это вместо того, чтобы на честно заработанные деньги спокойно приобретать продукцию фабрики «Большевичка». А когда с потолка посыпались «нетрудовые доходы», что произошло с нашими гражданами? Опять позор! И это всё потому, товарищи, что мы с вами ослабили идеологическую работу в широких массах трудящихся. Пора уже сделать выводы. И кому же у нас доверено воспитание граждан? Перерожденцам вроде Семплеярова? Так ведь он же товарищи, как редиска, только снаружи красный, а внутри он белый, как законченная контра. Или, может быть, кто-нибудь не видит, что у всех этих Лиходеевых, Варенух, Римских родимые пятна капитализма во всю рожу? Ох, и много же ещё работы у наших доблестных органов госбезопасности.

Всё это вполне советская сатира, ни какого посягания на основы. Антисоветского тут не больше, чем в сатирических штучках Маяковского. Или, может быть, ещё Аркадия Райкина в антисоветчики записать? Конечно, у Булгакова всё тоньше, его «социальные главы» можно понять, как сатиру

на советскую сатиру, но это уже тонкости, кто заметит-то? Так с какого же перепугу можно было увидеть в «Мастере и Маргарите» антисоветскую книгу?

Да и был ли Булгаков антисоветчиком, диссидентом, «внутренним эмигрантом»? Нет, конечно. Он был приспособленцем, конформистом. Не в осуждение говорю. Мы, прожившие при советской власти значительную часть сознательной жизни, тоже ведь хотели как-то приспособиться, хотели иметь нормальную работу. Всё это вполне обычно, хоть тут и нет ни чего возвышенного. Нам хочется, чтобы гений был во всем выше нас, но в этом отношении он выше нас не был.

Жена Булгакова вспоминала, как ночью её разбудили рыдания мужа. Захлебываясь от слез, Михаил Афанасьевич еле выдавил из себя: «Лена, почему меня не печатают, ведь я же талантливый». Сколько боли накопил Булгаков в своей душе, как истерзано было сердце художника...

Он ведь всеми силами хотел интегрироваться в советскую власть, хотел стать для неё своим и власть эту вовсе не считал для себя чужой. Он хотел видеть себя хорошо издаваемым знаменитым советским писателем. И в 20-е годы его действительно хорошо печатали, а в 30-е как-то постепенно перестали печатать. И это стало для него трагедией. Он страдал от разлада с советской властью, какой уж тут антисоветчик. Он не понимал, что случилось? Да всё он прекрасно понимал, но его душа не могла принять того, что бездарные

подмастерья обласканы, а талантливые мастера в загоне.

В недавнем фильме про Вампилова Рубцов говорит Вампилову: «Почему нас не печатают? Ведь у нас же нет ни чего антисоветского». А неужели непонятно? Да, у Булгакова, Рубцова, Вампилова действительно не было ни чего антисоветского, беда однако в том, что ни чего советского у них тоже не было. И для советской власти они были вроде бы как и не чужие, а вроде бы как и не свои. Да, они не вели ни какой тайной войны с советской властью, за это она их терпела и даже издавала время от времени, нехотя, сквозь зубы. Но они не давали ни каких подтверждений своей любви к советской власти, так ей-то их за что было любить? «Бруски» надо было написать. «Цемент» какой-нибудь. «Капремонт» хотя бы. Тогда и кушали бы в «Грибоедове», и дачи бы получили в Переделкине, как «самые талантливые». Но вот ведь беда-то какая:

Там на маэстро фрак с потертой фалдой,
Но сколько ты ему не заплати,
Не нарисует женщину с кувалдой
На стыках паровозного пути.

А ведь и впрямь беда. Булгаков не был антисоветчиком и в общем – целом, полагаю, весьма неплохо относился к советской власти, но «нарисовать женщину с кувалдой» он не мог. И вовсе не из-за идейных расхождений с советской властью. Просто «женщина с кувалдой» это такая дикая фальшь, которой настоящий художник не может себе позволить. Худож-

ник не мог воплощать в образах советские идеологемы просто потому, что это антихудожественно. Вот почему самыми яркими представителями социалистического реализма были самые бездарные советские писатели. Их фальшь не смущала, они её не чувствовали. Они не боялись угробить свой талант, потому что его не имели. Они совершенно спокойно заключали «сделки с дьяволом», потому что ни чего на этом не теряли.

А Булгаков, видите, какой интеллигент: против дьявола не возражал, но сделки с ним заключать не захотел. Первое стало причиной того, что он умер своей смертью и на свободе. Второе стало причиной того, что его перестали печатать.

Булгаков очень тяжело переживал то, что его «без всяких поводов загнали на чердак». Это было его самым сильным, самым душераздирающим чувством (по ночам же рыдал) во время работы над «Мастером и Маргаритой». Так о чем же получился этот роман даже, может быть, и помимо воли писателя? О том единственном, о чем он только и мог получить у писателя, переживающего трагический разлад с миром. Главная тема «Мастера и Маргариты» – растерзанное сердце художника. И на эту тему работают все пласты романа.

Трагедия Мастера

Казалось бы, самая большая «антисоветчина» романа в том, что советские издатели и критики довели Мастера до безумия. А вот тут-то и нет. Власть так жестоко обошлась с Мастером не потому что была советской, а потому что была властью. И дело даже не во власти, как таковой, а в том, что любая власть – отражение реальности. То есть это даже не про конфликт художника и власти, а про конфликт художника и реальности. Любой реальности.

Вы думаете Победоносцев отнесся бы к «роману о Пилате» благосклоннее, чем Берлиоз? Царская духовная цензура растерзала бы творение Мастера с таким остервенением, что Латунский с Ариманом могли бы поучиться (Да, очевидно, и учились). Или, может быть, общественному мнению царской России привыкать было писателей до дурдома доводить? Так вспомните, как чудовищно, мерзко и злобно травили Чаадаева, которого потом «объявили сумасшедшим». Не уверен, что только «объявили», Петр Яковлевич вполне мог и в самом деле подвинуться рассудком, когда его захлестнула волна тупой злобы. И ведь просто же не поняли того, что хотел сказать Чаадаев. Да и кому там было интересно что-то понимать, слюною брызгать легче и веселее.

И по поводу «образа Иешуа» ни кто с Мастером миндальничать не стал бы. Могли и от Церкви отлучить. А если бы

книжку про Пилата всё-таки издали, жестоко порезав цензурными ножницами? Если бы столичная интеллигенция с восторгом приняла роман Мастера? Вот тогда-то и началось бы самое страшное.

Когда поставили «Ревизора», публика приняла его очень благосклонно, на премьере зрители смеялись так, что можно было не сомневаться – автор подарил ей высшее наслаждение. А Гоголь сидел за кулисами и плакал. Не поняли. Вообще ни чего не поняли. Иначе не смеялись бы. Гоголь страдал. А если бы «Ревизора» отказались ставить? Он бы тоже страдал. Так в чем же выход? А нету ни какого выхода.

Или кто-то думает, что в наше время литературная карьера Мастера пошла бы, как по маслу? Цензуры нет, но книгоиздательский бизнес дышит такой самодовольной тупостью, что это хуже цензуры. Автор может написать шедевр, а ему скажут: это не продать. Автор рвет себе душу, страдает, мечтает, ночей не спит, и ему в конечном итоге удастся выйти на тот уровень, на который до него ни кто не выходил, а ему потом говорят: пиплы это не станут хавать. Это не может довести до безумия? Если не сразу, так после того, как нобелевскую премию по литературе дадут откровенной бездарности.

И хорошо бы у издателей было хотя бы коммерческое чутьё, но ведь известны случаи, когда книгу отказались принять более 20-и издательств, потом её кое-как удавалось пристроить, а потом она становилась мировым бестселлером. Вы представляете, что творится в душе у писателя, ко-

гда он предлагает свою книгу уже в 21-е издательство? И при этом он видит, как тупую бездарь вроде Дана Брауна, как-то сразу очень хорошо начинают издавать.

И травить у нас по-прежнему умеют так, что Пастернаку и не снилось. Примерами можно целую книгу наполнить. Что ожидало бы Мастера в нашем мире? Да то же самое – ласковые объятия доктора Стравинского.

Художники не нужны в современном мире, хорошо издаются только те писатели, которые и сами не ставят перед собой ни каких задач, кроме коммерческого успеха. Но проблема не в этом, а в том, что художники ни когда, ни в одну эпоху, ни одному народу не были нужны.

Леонардо да Винчи всю жизнь оставался бездомным бродягой. Баху за «Страсти по Матфею» ни чего не заплатили. Моцарта похоронили в общей могиле для бедняков. Ванн Гог не продал ни одной своей картины, при этом не вылезал из дурдома. Достоевский полжизни бегал от кредиторов. Эль Греко закончил жизнь в дурдоме. Батюшков подвинулся рассудком. Даже ранняя смерть Пушкина и Лермонтова, казалось, имевшая мало отношения к их творчеству, на самом деле вызвана их конфликтом с миром, а этот конфликт для художника совершенно неизбежен. Любой значительный художник в этом мире обречен на страдания даже независимо от того, как сложится его творческая судьба. Гоголю грех было жаловаться на издателей, но он страдал, кажется, больше всех. И Булгаков тоже невыносимо страдал. И если бы его

до конца дней хорошо издавали, он страдал бы, возможно, куда больше.

Это и есть главная тема «Мастера и Маргариты»: фатальный конфликт художника и мира, конфликт неизбежно вытекающий из самого характера их отношений. Художественный талант связан с обостренным восприятием реальности. Душа художника обладает чрезвычайной чувствительностью, она как бы совсем не имеет кожи, без этого художник не может творить. Но, когда у души нет кожи, любое прикосновение внешнего мира оказывается чрезвычайно болезненным. Художник страдает ежедневно просто потому, что как-то всё же вынужден соприкоснуться с внешним миром. А от такого удара судьбы, который толстокожая душа заурядного ремесленника перенесёт относительно легко, у художника просто будет болевой шок, от которого он может и никогда не оправиться.

Что случилось с Мастером? Его роман отказались печатать. Если бы речь шла о писателе, который рвется лишь к славе и гонорарам, он пережил бы этот удар судьбы за неделю, а потом написал бы ещё один роман, сделав его более проходным. Но Мастер так не может. Чтобы написать эту книгу, он растерзал свою душу. Для него этот роман значит больше, чем ребенок для матери. Судьба Пилата – это его собственная судьба, и если роман о Пилате ни кому не нужен, значит и он, автор, ни кому не нужен. Его, Мастера, уничтожили, как личность, выбросили на помойку, вот почему у него больше

нет ни имени, ни фамилии. С доверчивостью измученного ребенка он принёс миру свой дар. А мир отверг его дар. То есть отверг его самого. И тогда мир обрушился в его глазах.

Но это было ещё не всё. Его доби́ли, когда напечатали отрывок из романа и посыпались критические статьи. Казалось бы, что в этом особенного? Мастер, хоть и не был профессиональным литератором, но понимал же, что отклики могут быть далеко не только положительными. Но дело ведь было не в том, что его ругали, а в том, что писали какую-то бредятину. Как можно было автора романа о Пилате назвать «воинствующим старообрядцем»? При каких делах тут «старообрядец», да ещё и воинствующий? Они ни чего не поняли, да похоже, что и не способны были понять. Если бы ругали, проявив хоть чуточку понимания, так не проблема, но ведь они просто порют какую-то дичь, не имеющую ни какого отношения к его роману. А ведь это «творческая интеллигенция», что же тогда поймут люди, не искушенные в литературе? Пилат просто ни кому не интересен, значит и он, Мастер, ни кому не интересен и ни кому не нужен.

Ощущать свою чуждость миру людей – это очень больно. После этого уже и в магазин не знаешь, как сходить. Глянешь повнимательнее на продавщицу и спросишь себя: «Для неё может быть важна судьба Пилата?» Когда ответ окажется очевидным, тогда захочется просто зарыдать. А интересна ли судьба Пилата Варенухе, Лиходееву, Римскому, Семплеярову, Босому и иже с ними? Я вас умоляю... А разве Ма-

стер не знал об этом? Знал. А зачем тогда писал? Ну... всё-таки надеялся, что хоть кто-нибудь поймёт и оценит. Никто ничего не понял, и никому ничего такое не надо.

Восторги Маргариты ни сколько Мастера не утешили, он знает их реальную цену. Если бы он написал роман «Цемент», а Латунский написал бы роман о Пилате, Маргарита говорила бы, что «Цемент» – это восторг, а роман о Пилате – полное дерьмо.

«Почему так? Ведь я же талантливый!» – это вопль отчаяния Мастера-Булгакова. Оба они прекрасно понимают почему. И это понимание – приговор самому себе.

В дурдоме Мастеру лучше, чем где-либо. Здесь он почти не видит людей, их лица не терзают его. Здесь у него такой удобный статус, что с него и взятки гладки. А если доктору Стравинскому рассказать о Пилате, он будет слушать с уважительным участием. И даже более того: для доктора действительно важно, почему для Мастера важен Пилат. Это может многое объяснить в его болезни.

Для Мастера нет выхода. Его роман могли напечатать целиком, и ругательные рецензии могли быть наполовину разбавлены хвалебными, а он всё равно бы страдал, потому что ведь один хрен ни чего не поняли, даже те, кто хвалит.

Но если человека не понимают, так что же ему обязательно с ума сходить? Для обычного человека, даже если он писатель, это вовсе не обязательно. Он просто будет злиться и ругаться, и жить дальше, и делать, что делал. Но настоящий

художник в тысячу раз более обостренно воспринимает всё, что с ним происходит. Где для обычного писателя повод напиться, там для большого художника – болевой шок, от которого может и рассудок повредиться. Если сердце не остановится.

Блок умер в 40 лет от непонятной болезни. Зинаида Гиппиус говорила: «Блока убила поэма «Двенадцать»». Может быть.

Душа Пушкина к 37 годам была уже настолько изранена и растерзана, что если бы не пуля Дантеса, так Александр Сергеевич вполне мог оказаться в одной кампании со своим другом Чаадаевым. Да ведь и безумный Батюшков был ещё жив. Неплохая получилась бы кампания.

Александр Фет много раз пытался покончить с собой. Умер от инфаркта как раз перед тем, как решил зарезаться.

Маяковский, хоть и был хамом, но всё же был художником. Застрелился в 37 лет. «На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо, а нынешние как-то проскочили». А нынешние кушают порционных судачков а-натюрель, что положительно сказывается на нервно-психической деятельности.

И Булгаков не дожил до полтинника. Может быть, Михаила Афанасьевича убил роман «Мастер и Маргарита»? Как знать.

Долго жили Гете и Толстой. То-то они мне оба не нравятся. Один наполеоновский офицер говорил: «Гусар, который в 35 лет всё ещё жив, не гусар».

Великая литература оплачена таким безбрежным океаном страданий, что рваться в писатели может только полный дурак. Недаром Хемингуэй говорил: «Если можешь не писать, то не пиши».

Художник обречен на страдания самим фактом своего художественного дарования. Конфликт художника с миром людей неизбежен, потому что именно этот конфликт является источником художественного творчества.

Пора, пора насмешкам света

Прогнать спокойствия туман.

Что без страданий жизнь поэта?

И что без бури океан?

Но неужели для художника нет совсем-совсем никакого выхода? Булгаков говорит: выход есть. Но этот выход находится за пределами нашего мира. Выход – в мире ином. Там художник обретет наконец долгожданный покой. Вот в чем вся суть романа «Мастер и Маргарита».

Трагедия Булгакова

Миша Булгаков, конечно, был церковным мальчиком, потому что вырос в семье профессора богословия. А потом он ушел из Церкви и, хотя веры не утратил, но «верил по-своему». Так тогда не редко случалось. Варлам Шаламов, выросший в семье кафедрального протоиерея, вспоминал, что уже в 6 лет утратил веру в Бога. Уход русской интеллигенции из Церкви обеспечил успех большевистской революции.

Расцерковленная интеллигенция, конечно, не могла лю-

бить тот старый мир, где церковные структуры играли роль главной идеологической силы. То, чему учила «казенная церковь», не вызывало ни доверия, ни интереса. Они хотели чего-то другого. Поэтому и октябрьская революция не могла вызвать у них протеста. Ведь вот же оно – другое. Для многих интеллигентов это была пора надежд. «Всем своим сердцем слушайте революцию» – это чисто интеллигентский призыв.

И «слушали революцию» очень даже искренне. И готовы были потерпеть «временные трудности». И не от трудностей ломались, а от того, что чего-то всё же в происходящем не хватало. И тогда не только мистически настроенный Блок поставил «Христа» впереди матросского патруля, но даже и пролетарский писатель Горький ударился в «богостроительство».

Путь исканий Булгакова был в чем-то сходным. Его душа не принимала старой церковной веры. Но нового воинствующего атеизма его душа тоже не принимала. Он искал где-то посередине. Вот так он и завис между двумя мирами, оставшись чужим, как для Церкви, так и для «Союза воинствующих безбожников».

Отсюда странный шокирующий интерес Булгакова к образу дьявола. Если растерзанная душа художника не возлагает ни каких упований на Бога, при этом хорошо чувствуя существование мистической реальности, так в чьи же двери ему ещё стучаться? Душа христианина воспитана в бинарно-

сти: или Бог, или дьявол. И если не Бог, то дьявол. Осталось лишь облагородить образ дьявола, перестать воспринимать его, как носителя одного только зла, и даже само зло начать воспринимать, как оборотную сторону добра.

Кураев пишет: «Воланд излагает философию Блаватской-Рерихов». Это факт. Но о.Андрей считает, что сам Булгаков вовсе не разделяет философию Блаватской-Рерихов-Воланда. А вот это уже ни на чем не основанное утверждение. Это утверждение даже очень странное.

Православным поклонником Булгакова следовало бы уделить больше внимания тому факту, что Михаил Афанасьевич 10 лет писал роман о дьяволе. А это значит, что в течение всего зрелого периода своего творчества Булгаков жил в обнимку с тенью дьявола, он постоянно пытался представить себе, как выглядит дьявол, как он говорит, как поступает. При этом Булгаков явно не собирался «переходить на сторону зла», он совершенно не был сатанистом. Как такое возможно: постоянно носить в сознании образ мирового зла и при этом не проявлять ни какой склонности ко злу? Чтобы жить в обнимку с тенью дьявола и не свихнуться, надо придумать себе такого дьявола, который в общем-то и не дьявол совсем. В этом мадам Блаватская и господа Рерихи могут оказать неоценимую услугу.

Свет невозможен без теней, добро и зло едины, Бог и сатана делают одно общее дело, и прочие безумные глаголы, которые призваны оправдать дьявола, со всей неизбежностью

должны были показаться близки Булгакову. Воланд в романе ни какого зла не совершает, он напротив наказывает плохих и помогает хорошим. Это и есть гуманитарный булгаковский дьявол – вполне в духе Рерихов. Рерихианство не просто излагается Воландом в знаменитой речи на крыше, вся структура романа в этом духе и приводит к мысли, что от дьявола «ни какого вреда кроме пользы». Если не признать Булгакова хотя бы интуитивным рерихианцем, тогда придётся признать его прямым сатанистом. Но Булгаков не был сатанистом, так же как не был и христианином. Отвержение одновременно и христианства, и атеизма буквально выбросило его в холодные объятия Рерихов.

Тонкие и хрупкие софизмы Кураева, призванные доказать, что Булгаков «вел бой за Христа», с трудом воспринимаются даже интеллектуально развитым читателем, тогда как в самом романе буквально на поверхности лежит очень внятный и прямой, как шпага Воланда, вывод: если в этой жизни и можно от кого-то получить помощь, так разве что от дьявола. Это звучит в романе предельно отчетливо, и это именно авторская позиция, уже хотя бы потому, что автор от этой позиции и не думает дистанцироваться.

Отец Андрей убедительно доказывает, что вечность с Маргаритой в подаренном домике станет для Мастера сущим адом. Полностью с ним согласен. Но это уже за пределами булгаковского романа и за пределами булгаковского замысла. Это, собственно, уже полемика с Булгаковым (Поче-

му бы и нет, но ведь мы сейчас не об этом). А Булгаков прямо говорит, что «покой», подаренный Мастеру Воландом, это именно награда. Я полностью согласен с Кураевым в том, что покой без света невозможен, эту мысль я высказывал ещё до того, как нашёл её у Кураева. Но не надо приписывать свои мысли Булгакову. В концепции Михаила Афанасьевича Мастер награжден именно тем, чего так жаждала его растерзанная душа – покоем в обществе любимой женщины.

Понятно, что жизнь – не роман, который заканчивается свадьбой, тем более, если речь идёт о жизни вечной. Но романы заканчиваются именно свадьбой. И это считается счастливым концом. У «Мастера и Маргариты» по замыслу автора – счастливый конец. Помог тот, которому «ни чего не трудно сделать». Про кого Маргарита сказала: «Всесилен».

Ждал ли сам Булгаков помощи от дьявола? А зачем, вы думаете, Михаил Афанасьевич так долго и напряженно возился с этим образом? Уж явно не для того, чтобы разоблачить «дьявольские козни». Ни какого «разоблачения дьявола» в романе нет.

Мастер говорит Бездомному: «До чего же мне досадно, что встретились с ним вы, а не я! Хоть всё и перегорело, и угли затянулись пеплом, но всё же клянусь, что за эту встречу я отдал бы связку ключей Прасковьи Федоровны, ибо мне больше не чего отдавать».

Итак, Мастер жаждет встречи с сатаной и возлагает на эту встречу большие надежды. Можно ли считать, что здесь Бул-

гаков выразил своё собственное желание? А как ещё считать? Это именно Булгаков, а не Мастер, писал роман о дьяволе. Это именно Булгаков, а не Мастер посвятил дьяволу годы напряженных размышлений. Зачем ещё, если не в надежде на помощь дьявола? Прости, Господи, раба Божьего Михаила.

Если слишком долго всматриваться в бездну, то бездна начнет всматриваться в тебя. Поэтому достойно величайшего изумления то, как дешево обошлось Михаилу Афанасьевичу его заигрывание с дьяволом. Известно немало случаев, когда и сотая доля булгаковского интереса к дьяволу заканчивалась самым жутким и мрачным беснованием. А он худо-бедно умер в здравом уме и не утратив творческих способностей. Видимо, на Небесах кто-то крепко за него молился.

И к величайшему счастью для себя, Булгаков даже близко не понял, что такое дьявол и что такое дьяволопоклонство. Его Воланд больше похож на крестного отца мафии. А Маргарита и Мастер больше похожи не на сатанистов, а на людей, разочаровавшихся в своей законопослушности, не надеющихся больше на полицию и обращающихся за помощью к дону Корлеоне.

От «Мастера и Маргариты» не пахнет серой. Потому роман и не возмущает душу православного читателя. Кроме тех случаев, когда православные уверены, что тут им «положено возмущаться».

Да и пытался ли Булгаков понять дьявола или просто слишком легкомысленно употребил это слово для обозначения потусторонней реальности?

Чем так очаровал меня роман Булгакова во время первого прочтения? Прорыв яркой мистической реальности в тусклую повседневность произвел впечатление волшебства. Да и сейчас я не остаюсь равнодушным, наблюдая, как в романе Булгакова невыносимая пошлость бытия взрывается яркими фейерверками иного мира. Там ведь всё гораздо интереснее, чем тут. Сейчас я уже знаю, что тот самый мистический домик надо уже сейчас созидать в своей душе, при этом надо немало потрудиться над тем, чтобы в том домике был не только покой, но и Свет, а иначе и покоя не будет. Переход в мистическую реальность неизбежен. Все там будем. Но иногда человеку так вдруг захочется, чтобы это «там и потом» вдруг неожиданно оказалось «здесь и сейчас». Иногда жизнь заводит человека в такие удручающие тупики, выход из которых возможен только там.

Вот идет человек по своему пути и вдруг упирается в стену – тупик. А ведь человек шёл именно по своему пути, и не было ни какой ошибки в выборе направления, и крест свой человек несёт, всё, как положено. Но впереди вдруг тупо вырастает стена, которую не обойти и не взорвать. Человек понимает, что в определенный момент эта стена исчезнет сама собой, и его путь продолжится уже через другой мир. Но сейчас ему очень тяжело, он страдает в своём тупике от го-

лода и холода, ему страшно в темноте. И если уж пока нельзя «туда», то ведь поневоле захочется, чтобы здесь хоть ненадолго стало, как там.

Роман Булгакова с первой буквы до последней точки буквально пронизан напряженным стремлением разрушить око-вы материального мира и вырваться на простор мистической реальности. Он не антисоветчик, да в общем-то и не сатирик, ему по большому счету безразлично, «какое, милые, у вас тысячелетье на дворе». Он невыносимо страдает от всепошлости бытия, он так же страдал бы при любой власти. Он хочет чтобы кто-нибудь пришёл и разрушил стену, и вывел его из тупика. И для этого он призывает дьявола? Не совсем.

Блок писал: «Я знаю, что впереди двенадцати идет не Христос, но я не знаю кто». Так же и Булгаков мог бы сказать: «Я знаю, что Воланд – не дьявол, но я не знаю кто». Воланд – некий мистический «решала», аналога которому нет в традиционном богословии. Поиски этого аналога привели к тому, что Булгаков назвал Воланда сатаной, хотя с таким же успехом мог бы назвать его волшебником Изумрудного города. Да, если угодно, Воланд – древний и могущественный волшебник.

Если бы Булгаков ни разу не назвал Воланда сатаной и если бы заменил имя Пилата на какое-нибудь другое римское имя, мы вдруг обнаружили бы, что в этом романе нет ровным счетом ни чего сатанинского и ни чего кощунственного. Но ведь художественная реальность романа ни как не зависит от

всего лишь двух имен, их не трудно заменить в собственном сознании, а тогда читайте себе эту книгу на здоровье.

Я уже был уверен, что главная тема этого романа – растерзанное сердце художника, а главный эмоциональный двигатель романа – стремление страдающей души вырваться из этого мира в мир иной, когда, перечитывая роман, нашёл у Мастера такие слова: «Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасение у потусторонней силы. Ну что ж, согласен искать там». Мастер подтвердил мои мысли. Всё срослось.

Обратите внимание: Мастер «ищет спасения» не у дьявола, а у некой «потусторонней силы». Так же и Булгаков искал спасения не у дьявола, а просто «по ту сторону» материальной реальности. Приходится с большим сожалением признать, что Михаил Афанасьевич очень сильно запутался в мистической реальности, но кто бы на его месте не запутался, оказавшись вне церковной ограды.

Остается разобраться, при каких делах тут Пилат, вокруг которого так многое вращается в романе. А Пилат тут очень даже при делах. Пилат, наряду с Мастером, альтер эго самого Булгакова.

Булгаков был конформистом, но конформисты бывают разные. Одни стараются держаться за десять миль от той черты, за которой лежит недозволенное, а другие, напротив, стремятся максимально приблизиться к границе недозволенного и пробуют эту границу на прочность. Они идут по гра-

нице разрешенного, как по канату над пропастью. Они всеми силами изображают лояльность к власти, при этом постоянно пытаются сказать тот максимум правды, который власть ещё готова стерпеть. При этом их волнует не правда о власти, а правда о жизни. Вот Булгаков таким и был.

Конечно, он постоянно шёл на компромиссы с советской властью, старался не сердить её по пустякам и даже письмо в правительство написал, дескать «я свой». Но своими текстами он постоянно пытался раздвинуть границы дозволенного, пробовал эти границы на прочность, хотя до явной антисоветчины не доходил ни когда. Вот так они и жили.

Только вот ведь беда: если из бездарей конформисты получаются просто замечательные, то из настоящих художников конформисты получаются совсем хреновые. Художника просто разрывает на части открывшаяся ему правда жизни, он хочет сказать её всю целиком, безо всяких купюр, безо всякой самоцензуры. Но ведь не простят и запехают туда, где совсем не хочется находиться. А может и хрен с ним? Пусть не простят, пусть запехают, но я всё-таки скажу всё, что смог понять, потому что это очень важно. А потом встает перед глазами колымский барак, и художник понимает: ни чего я не скажу.

Думаю, уже понятно, при чем тут Пилат. С какой мертвой заученностью он произносит ритуальные восхваления кесарю. Тиберий, конечно, законченная мразь, но его надо вылизывать, иначе карьеры не будет. Как хитро он заказывает

Иуду Афранию. Если Афраний захочет написать донос, и даже если тут семеро по углам подслушивали, им будет решительно нечего написать в доносе. Пилату всё это противно, но он уже привык приспособливаться. А тут какой-то бродяга, которого «из любви к кесарю» надо послать на смерть. То есть надо принести его в жертву мерзкому Тиберию. Точнее, в жертву собственной карьере, которая зависит от мерзкого Тиберия. Так он ради своей карьеры и не такие жертвы приносил, в чем проблема? А проблема, оказывается, в том, что это не просто бродяга, а тот самый Человек, о встрече с которым он мечтал всю жизнь. Но мечтал ли он когда-нибудь оказаться в жопе мира, в одной кампании с Назоном? Нет, такой мечты у Пилата не было. И бродяга пойдет на смерть. А может хрен с ней, с карьерой, может плюнуть на всё и спасти этого удивительного Человека?

Трагедия Пилата – это трагедия конформиста с живой душой. Тема не просто близкая Булгакову, он и есть тот самый конформист с живой душой.

Пилат страдает во сне: «Неужели вы при вашем уме допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи? Да, да, – стонал и всхлипывал во сне Пилат – Разумеется погубит. Утром бы ещё не погубил, а теперь, ночью, взвесив всё, согласен погубить».

Это вопль самого Булгакова, только некоторые слова надо заменить: «Неужели вы думаете, что ради этого романа, ра-

ди какой-то там «правды жизни» погубит свою карьеру советский писатель? Да, разумеется, погубит. Взвесив всё, согласен погубить».

Булгаков написал в общем-то проходной роман. Его могли и напечатать. А потом устроили бы травлю, как Мастеру. Михаил Афанасьевич всё прекрасно понимал, в самом романе он предсказал судьбу своего романа. На Колыму его, конечно, за «Мастера и Маргариту» не отправили бы, но свою карьеру этим романом он угробил бы окончательно. И он уже приготовился к этому. Закончив правку романа, он, видимо, собирался отнести его в издательство. Он, похоже, готов был страдать, как Мастер, только бы не страдать, как Пилат. Почему? Потому что трусость – это самый страшный грех.

Раньше это утверждение казалось мне странным, ведь среди семи смертных грехов трусости нет. Потом я понял, что это вполне православная мысль, лишь не совсем корректно выраженная. Достаточно вспомнить слова апостола Иоанна: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви» (1 Ин 4, 18). Состояние души, противоположное любви – гордость. Гордый человек очень любит себя и постоянно боится нанести себе какой-либо ущерб. Человек, проявляющий трусость, действительно страдает самым страшным грехом – гордостью. Просто трусость – не сам грех, а лишь его симптом.

Похоже, что, назвав трусость самым страшным грехом,

Булгаков имел ввиду самого себя. Слишком много тогда приходилось бояться, многое приходилось делать из трусости, а потом становилось невыносимо тошно и начинало душить отвращение к самому себе. Да сколько же можно? Ведь если вечно бояться, ни когда не сделать ни чего значительного. Ведь если только о том и думать, чтобы не рассердить кесаря (он же – кремлевский горец) – упустишь что-то самое важное в жизни, а в конечном итоге потеряешь самого себя.

И Булгаков, наученный горьким опытом своего Пилата, решился на поступок. Он написал роман, в котором отразил своё подлинное отношение к жизни, презрев карьерные соображения. Это вовсе не был бунт против советской власти, это был бунт против всепошлости окружающей жизни, бунт за право быть самим собой, совершенно независимо от того, какое «тысячелетье на дворе». Это был бунт в том числе и за право думать и мечтать о потусторонней реальности, независимо от того, к чему призывает товарищ Губельман.

Для меня главный пафос булгаковского романа именно в напряженном стремлении вырваться за грань земного бытия. А главный положительный смысл романа в понимании того, что наши проблемы не могут быть разрешены в рамках этого мира, они разрешатся в мире ином. А главный грех Булгакова в том, что он показал, мягко говоря, небезупречные способы разорвать оковы земного бытия.

Возвращаясь к Кураеву

И сам не заметил, как отец Андрей стал для меня проводником по роману Булгакова. Без него я там на многое бы и внимания не обратил, так что приношу отцу диакону самую искреннюю благодарность. Его книгу о «Мастере и Маргарите» я прочитал почти с таким же напряженным интересом, как и сам роман.

В интервью по поводу своей книги о.Андрей сказал: «Задача моей книги была в том, чтобы те религиозные мотивы, которые там есть, поставить в контекст богословских и религиоведческих знаний». Эту задачу о.Андрей выполнил блестяще, хотя изначально он ставил перед собой задачу несколько иную, а именно дать ответы на четко перечисленные им вопросы. Предлагаю свои варианты ответов.

« – Имею ли я право продолжать с любовью относиться к булгаковской книге, несмотря на то, что за эти годы я стал ортодоксальным христианином?»

– Да, конечно. Ортодоксальный христианин вообще не может быть лишен права относиться с любовью к чему бы то ни было. Любить ведь можно не только книги, написанные единомышленниками.

« – Может ли христианин не возмущаться этой книгой?»

– Христианину лучше бы вообще не возмущаться ни чем, кроме собственных грехов. Да, Булгаков горькоплачевно за-

блудился в мистическом пространстве, но в «Мастере и Маргарите» столько живой искренней боли, что надо просто сердца не иметь, чтобы возмущаться этой книгой.

« – Возможно ли такое прочтение булгаковского романа, при котором читатель не обязан восхищаться Воландом и Иешуа, при этом восхищаясь романом целиком?»

– Вопрос из области «слишком средней школы». Булгаков ведь не Чернышевский, чтобы тыкать пальцем: этим персонажем вы обязаны восхищаться. Образы, созданные настоящим художником, всегда сложны и многомерны, они могут вызывать противоречивые чувства. Мне, например, некоторые черточки у Воланда и Иешуа очень даже симпатичны, и, как ортодоксальный христианин, я не испытываю в этой связи ни какой неловкости, потому что спокойно знаю: Воланд – не сатана, Иешуа – не Христос. Но если бы меня поместили обратно в «слишком среднюю школу» и заставили написать сочинение на тему «На кого я хочу быть похожим», то ни про Воланда, ни про Иешуа я писать, конечно, не стал бы. А «романом в целом» невозможно не восхищаться, потому что он гениальный.

« – Воланд – оппонент автора или резонер, которому доверено озвучивать авторскую позицию?»

– В романе Булгакова нет даже малейшего намека на то, что Воланд – оппонент автора. Если мы согласны увидеть в романе то, что там есть, а не то, что нам хочется, то сделать Воланда оппонентом автора нам не удастся. Отвечая на во-

прос, доверено ли Воланду озвучивать авторскую позицию, я бы сначала убедился в том, что у автора есть позиция. Не был бы в этом так уверен. Булгаков – художник, а не мыслитель, у него нет своей четкой религиозной концепции. Но в некоторых случаях автор явно говорит устами Воланда, в том числе и когда последний высказывается по вопросам более принципиальным, чем вопрос о «первой свежести». К примеру, когда Воланд озвучивает рерихианство, у нас нет ни малейших оснований утверждать, что сам Булгаков думал иначе.

« – Возможно ли такое прочтение романа, при котором автор был бы отделен от Воланда?»

– Возможно (и даже необходимо!) такое прочтение романа, при котором автор был бы отделен от сатаны. Но отделить Булгакова от Воланда не удастся. Они слишком долго прожили вобнимку. Срослись. При этом с сатаной Булгаков не срастался ни когда, это можно уверенно утверждать, такого шила было бы в мешке не утаить.

Вот такие мои ответы. У Кураева они другие. Хотя цель у нас была одна и та же: «оправдать консерватизм своей любви» к роману Булгакова. Но у меня такое ощущение, что отец Андрей просто боится посмотреть правде в глаза.

Он пишет: «Не надо позорить русскую литературу и отождествлять позицию Булгакова и позицию Воланда. Если считать, что через Воланда Булгаков выразил именно свои мысли о Христе и Евангелии, то вывод придется сделать слишком страшный».

Ах, батюшки мои... Да неужели русская литература ещё недостаточно опозорена романом Льва Толстого «Воскресение»? Неужели она недостаточно опозорена поэмой Блока «Двенадцать»? Неужели она недостаточно опозорена мерзкими богохульными стихами Есенина? Неужели правда о религиозных заблуждениях Булгакова может принципиально ухудшить эту картину?

Давайте честно признаемся себе: без малого вся великая русская литература есть литература нехристианская, а то и откровенно антихристианская. Нам надо научиться жить с этой правдой. Если же бояться «слишком страшных выводов», тогда лучше вообще не использовать голову по назначению. А если пытаешься думать своей головой, тогда приготовься растерзать собственное сердце. Потому что трусость – спутник самого страшного греха.

Вредно ли чтение Булгакова для души? У монахини N есть очень тонкая мысль: «До того, чтобы художественная литература начала причинять вред душе, надо ещё дорасти». Так вот я, к примеру, далеко ещё не дорос до того, чтобы роман «Мастер и Маргарита» повредил моей душе. Но я вполне могу представить себе человека, душе которого чтение этого романа повредит.

***

Люблю ли я Булгакова? Конечно, люблю. Томас Манн писал: «Мы любим человека, потому что ему тяжело, и потому что мы тоже люди».

Я готов поклониться Михаилу Афанасьевичу в том смысле, в каком у Достоевского старец Зосима поклонился далеко не безупречному Дмитрию Карамазову, потом пояснив: «Страданию его великому поклонился».

24.12.20.